

INSPIRIA

Общество ДЖЕЙН ОСТЕН

Натали Дженнер

INSPIRIA

Novel. Книги. Секреты. Любовь

Натали Дженнер
Общество Джейн Остен

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Дженнер Н.

Общество Джейн Остен / Н. Дженнер — «Эксмо»,
2020 — (Novel. Книги. Секреты. Любовь)

ISBN 978-5-04-159776-4

Финалист премий Goodreads и Amazon в жанре "историческая проза"! Дебютный роман Натали Дженнер - великолепный подарок для всех поклонников Джейн Остен. В послевоенном английском захолустье пересекаются судьбы совершенно разных людей. Простой рабочий, молодая вдова, местный врач, юрист и кинозвезда... Как забыть то, что они пережили? Что способно залечить раны и наполнить жизнь новым смыслом? У каждого героя - своя история потерь, но теперь - одно общее дело! Они объединяются в тайное сообщество, чтобы сохранить дом Джейн Остен и ее наследие, которое потихоньку распродается на аукционах. «Этот изящный, чувственный роман позволит забыть о серости будней». — People

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-159776-4

© Дженнер Н., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Натали Дженнер Общество Джейн Остен

Моему мужу

© Чарный В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

*Кто унаследует Англию?
Дельцы, что правят ею?
Или те, что ее понимают?*

Э. М. Форстер

Глава 1

Чотон, Хэмпшир.

Июнь 1932

Он распростерся на невысокой каменной стене, подтянув колени, спиной на камнях. Стояло раннее утро, в воздухе слышалось пронзительное пение птиц, молоточками бившее в его виски. Так он лежал без движения и смотрел прямо в небо, чувствуя смерть, что царила здесь, на маленьком кладбище у церкви. Словно безмолвная статуя, высеченная из камня, он покоился на стене, вровень с молчаливыми надгробиями. Всю жизнь проведя в своей деревеньке, он ничего не знал о том, как величавы соборы страны, но в книгах, что он читал, говорилось, что скульптуры властителей древности точно так же венчали их усыпальницы, что даже спустя века на них благоговейно взирали простые смертные вроде него.

Была пора сенокоса, и телегу он оставил на дороге у ворот, откуда та вела к фермерским полям, туда, где кончалась старая Госпорт-роуд. Огромные вязанки сена уже громоздились на телеге, ожидая, пока их развезут по конюшням и молочным фермам, рассеявшимся по окрестностям деревни и тянувшимся от Олтона до Ист-Тистеда. Спиной он чувствовал, как намокла пропитавшаяся потом рубашка, хоть бледное солнце едва светило – было всего девять утра, но он уже несколько часов провел за тяжелой работой в поле.

Словно по команде, разом смолкли все зяблики, зарянки и синицы, и он закрыл глаза. Пес, подняв голову над мшистыми камнями, до этого внимательно следил за овцами, рассыпавшимися по полю у скрытой во рву стены, отмечавшей границы имения. Но усталый фермер, засыпая, дышал все глубже и ровнее, и пес, поджав хвост, улегся рядом с хозяином на прохладной кладбищенской земле.

– Прошу прощения...

Сна как не бывало – голос звучал прямо над ним. Женский. Американка?

Он сел, свесил ноги со стены и встал перед ней. Окинул взглядом ее лицо, фигуру, быстро отвел глаза.

Ей было едва за двадцать. Широкополую соломенную шляпу украшала ленточка цвета индиго, сочетаясь с ее строгим темно-синим платьем. Казалось, что она одного роста с ним, пока он не обратил внимание на ее туфли. Таких высоких каблуков он еще никогда не видел. В одной руке она держала брошюрку, в другой – сумочку, на шее была короткая серебряная цепочка с крошечным крестиком.

– Мне так неудобно беспокоить вас, но вы первый, кого я встретила за все утро. Видите ли, я совершенно заблудилась.

Фермер, родившийся и живший здесь, в Чотоне, население которого составляло триста семьдесят семь человек, ничуть не удивился. Он всегда вставал с первыми петухами, уступая лишь доктору Грею, когда тот делал обход, молочнику и почтальону, забиравшему письма из отделения на разнос.

– Видите ли, – повторила она, начиная привыкать к его природной молчаливости, – я приехала сюда на день, из Лондона, винчестерским поездом, чтобы посетить дом писательницы Джейн Остен. Но не могу его найти, и, заметив с дороги эту маленькую приходскую церковь, я решила немного осмотреться. Отыскать хоть какой-нибудь след.

Мужчина обернулся – за его спиной, справа, под сенью буков и вязов, стояла церковь из красного песчаника, куда он всегда ходил. С тех пор, как ее перестроили, сменилось несколько поколений, и там не осталось ничего, что бы напоминало о Джейн Остен или ее родных.

Затем он посмотрел налево, на маленькую калитку в глубине кладбища, сквозь которую виднелись подстриженные кроны тисов. Они казались ему похожими на перечницы даже в детстве. Живая изгородь служила южной границей террасы сада у стоявшего на склоне внуши-

тельного елизаветинского особняка из красного кирпича, со стрельчатой черепичной крышей и трехэтажной тюдоровской верандой, увитой плющом.

– Усадьба вон там, – отрывисто проговорил он, – за церковью. Ее так и называют – Большая Усадьба. Там живет семейство Найт. А могилы матери и сестры мисс Остен вон там, у церковной стены, видите, мисс?

Благодарность сияла на ее лице – за его слова, в которых она ощутила тепло.

– Бог мой, я и подумать не могла, что...

Ее глаза увлажнились. Он никогда не встречал никого прекрасней, она была словно модель из газетной рекламы мыла или шампуня. Она заплакала, и ее глаза приобрели невиданный прежде оттенок синего, почти фиолетового, а слезы катились по черным, как чернила, ресницам – черней, чем ее волосы.

Отвернувшись, он осторожно обошел ее, а пес, Райдер, уже крутился у его грязных сапог. Направившись к церкви, он остановился у пары надгробий. Девушка шла за ним, и каблук ее черных туфелек тонули в мягкой земле кладбища. Он смотрел, как ее губы беззвучно читают надписи на каменных плитах.

Отступив, он порылся в кармане, достав оттуда кепи. Отбросил прядь светлых волос, всегда падавшую на брови, когда он работал, заправив ее под козырек, и натянул его покрепче. Сейчас ему хотелось отстраниться от нее и тех чувств, что пробудили в ней эти скромные могилы простых женщин, умерших сто лет тому назад.

Он удалился к покойничьим воротам и ждал там вместе с Райдером. Наконец, спустя несколько минут, она показалась из-за угла церкви, попутно останавливаясь, чтобы прочесть надписи на каждом из надгробий, будто надеясь отыскать еще одно знакомое имя среди усопших. Пошатываясь, когда каблуки цеплялись за камни, она чуть заметно хмурилась, недовольная собственной неловкостью, но не сводила взгляда с могил.

Остановившись у ворот, рядом с ним, девушка обернулась и довольно вздохнула. На лице ее теперь играла улыбка, и самообладание полностью вернулось к ней – настолько, что он наконец по ее осанке и манерам понял, как она богата.

– Прошу меня простить, я совершенно не была готова к этой поездке. Понимаете, я проделала весь этот путь, чтобы найти домик, где она написала все свои книги – с маленьким столиком, скрипучей дверью, – добавила она, но никакой реакции не последовало. – Будучи в Лондоне, я почти ничего не смогла разузнать – спасибо, что помогли мне.

Он открыл для нее ворота, и вместе они направились к дороге.

– Могу проводить вас к ее дому, если хотите, – туда идти всего около мили. С сеном для фермы я уже управился, пока жара не наступила, поэтому время у меня есть.

Она очаровательно улыбнулась – ослепительно, белозубо – именно такой, по его представлениям, и была американская улыбка, и он подумал, что только американка может так улыбаться.

– Вы так добры ко мне. Благодарю вас. Я полагала, что люди сюда постоянно приезжают, такие, как я, и по той же причине, это правда?

Пожав плечами, он замедлил шаг, чтобы сравняться с ней, пока они шли к Большой Усадьбе по гравийной дорожке длиной в полмили.

– Пожалуй, часто. Но здесь мало чего интересного. Там, в доме, теперь работники живут – во всех комнатах.

Взглянув на нее, он увидел, что она разочарованно хмурится. Он и сам не понял, почему спросил ее о книгах – точно хотел подбодрить.

– Даже не знаю, как вам сказать, – ответила она, когда он указал туда, куда вела дорога, ровно напротив места, где стояла телега, о которой он на время забыл. – Просто, когда я читаю ее книги и перечитываю – чаще, чем кого-либо еще, – она как будто живет в моей голове. Это

как музыка. Отец читал мне ее романы в детстве, его не стало, когда мне было двенадцать, и в ее строках мне слышится его голос. Ничто иное не могло заставить его смеяться так, как тогда.

Слушая, как она болтает, он недоверчиво покачал головой.

– Так вы ее не читали? – Теперь огонь недоверия сверкнул в ее глазах.

– Мне такое не очень-то интересно. Предпочитаю кого-то вроде Хаггарда. Приключенческие романы. Вы, наверное, меня осудите...

– Никогда бы не стала судить кого-то за его литературные предпочтения.

Увидев, что он смотрит на нее с иронией, она вновь широко улыбнулась:

– Хотя, кажется, только что поступила иначе.

– Как бы там ни было, никогда не понимал, как эти романы о девицах, ищущих замужества, могут сравниться с тем, что писали великие. Толстой, например.

Он снова пробудил в ней интерес.

– Вы читали Толстого?

– Да, готовился отправиться на учебу, когда была война, но двух моих братьев призвали на фронт. А я остался здесь, помогать по хозяйству.

– Значит, вы сейчас вместе работаете на ферме?

Он отвернулся.

– Нет, мисс. Оба погибли на войне.

Ему нравилось говорить так – резать, как лезвием, – остро, начисто, глубоко, бесповоротно. Как будто упреждая дальнейшие расспросы. Но, чувствуя, что в разговоре с ней подобный путь привел бы к обратному, он спешно продолжал:

– Кстати, видите, где встречаются вон те две дороги? Вы пришли по левой, из Винчестера, так? Будете держаться правой – она теперь главная, на Лондон – и попадете прямо в Чотон. Там и коттедж стоит.

– Вы и вправду очень любезны. Спасибо вам. Но вы должны прочесть ее книги, должны! Вы же здесь живете, разве нет?

Он не привык к подобным проявлениям чувств, и ему захотелось вернуться к своей телеге и исчезнуть.

– Пообещайте мне, пожалуйста, мистер?..

– Адам. Меня зовут Адам.

– Мэри Энн, – ответила она, протянув на прощание руку. – Начните, конечно, с «Гордости и предубеждения». А после – «Эмма», это моя любимая. Такая смелая, но такая забывчивая... Хорошо?

Вновь пожав плечами, он отсалютовал ей кепи и зашагал прочь по дороге. Он обернулся лишь один раз, едва миновав пруд у развилки. Девушка все еще была там – высокая, стройная – и смотрела на домик из красного кирпича, на заделанное окно и белую дверь, выходящую прямо на дорогу.

* * *

Закончив оставшуюся работу, Адам Бервик вновь оставил пустую телегу у ворот и устало поплелся по дороге, пока не дошел до маленького домика с террасой, где жил уже много лет.

Когда-то его семья была большой: отец, мать и трое сыновей, из которых он был самым младшим. Маленькая ферма, которой они владели, уже четыре поколения передавалась от отца к сыну. Благодаря этому все Бервики с малых лет были привычны к тяжелому труду. Ему нравилось это – монотонность, постоянство, с которым времена года сменяли друг друга, сон после работы, не оставлявший времени на разговоры.

Но Адам также был внимательным и прилежным учеником, взявшимся за книги отца, повсюду лежавшие в доме, когда ему было всего пять лет, и с тех пор читавшим все, что попа-

дало ему в руки. Каждый раз, когда мать отправлялась в Олтон, он старался пойти с ней. Даже больше, чем кондитерскую и леденцы, которые она иногда покупала, он любил разглядывать детские книги в библиотеке и находить что-то новое для чтения. Потому что за страницами каждой из них скрывался совершенно новый мир, и он не понимал, как кто-то вроде его братьев может не замечать этого.

В этом мире он мог скрываться, когда хотел – если чувствовал, что мир настоящий, мир людей с их социальными взаимодействиями и ожиданиями, начинает давить на него. Необъяснимо, но он ощущал это несравнимо сильнее, чем прочие. Кроме того, он смотрел на вещи глазами героев книг, усваивал те же уроки, что и они, но что было важнее всего, пытался отыскать ключ к счастливой жизни. Он чувствовал, что те, чья жизнь не проходит в повседневных трудах, в отличие от его семьи, существуют в какой-то другой реальности, где их эмоции и желания, едва заметно сверкая и искрясь, бегут по бесконечным проводам, эхом отдаваясь в ушах еще неведомого слушателя. А в его собственной жизни ничто не сверкало и уж тем более почти не искрилось.

Единственным ярким событием для него стала выигранная дотация на обучение, но все померкло, едва лишь его братья ушли на войну. Его не призвали потому, что для военной службы он был еще слишком мал, а бессмысленную, по словам матери, учебу он уже перерос. Война все изменила, и не только в его семье, хотя деревенские знали, что Бервикам досталось больше всех – старшие сыновья погибли в Эгейском море в 1918-м, а меньше чем через год отца скосила испанка. Порой из самых глубин отчаяния их с матерью спасали лишь соседская забота и участие.

Однако, несмотря на то что бездна еще не поглотила их, они постоянно колебались на самом ее краю. Ни он сам, ни его мать, невзирая на разные характеры, не в силах были вырваться из привычного русла их жизни, им чужда была сама мысль о возможности что-то изменить. Спустя несколько лет после войны, горя, долгов и беспрестанных стенаний матери они со значительной уступкой продали ферму обратно во владение семейству Найт. Поколения сменяли друг друга, и Бервики были прислугой Найтов, работая на них, как и его бабушка с матерью, как и он сам – каждое лето он косил для них сено, вспахивал поля, сеял пшеницу, хмель и ячмень.

Наконец семейство Найт, как и остальные жители деревни, тоже столкнулось с финансовыми трудностями. Адам сознавал, что все они зависели друг от друга, что продажа фермы Найтам и его работа на них были частью всеобщей попытки сохранить общину и выжить.

Он и сам был на краю – во всяком случае, вел себя именно так. Внутри, там, куда могли проникнуть лишь книги, оставалась неведомая, глубинная, самая сильная боль. Адам знал, что часть его рассудка закрылась от боли в смешной попытке защититься, а у матери дела были совсем плохи – она просто ждала смерти, постоянно напоминая ему, что без нее его жизнь станет куда печальнее. Вместе с тем она продолжала окружать его материнской заботой, по утрам подавая ему чай с тостом, а вечером, после работы, как сейчас – горячий ужин.

И так же, как сейчас, они сидели за кухонным столом одни, и он рассказывал ей о том, чем занимался сегодня, а она ему – о тех, кого встретила в деревне или в Олтоне, если в тот день она ходила туда за покупками. Говорили о чем угодно, кроме прошлого.

Он ничего не сказал ей о девушке из Америки. Не знал, о чем говорить. Мать постоянно твердила, чтобы он нашел себе жену, а эта незнакомка была настолько прекрасной, что казалась существом из иного мира. Кроме того, мать была из числа тех, кого скорее раздражало, что эти места связывают с именем Джейн Остен. Самые горькие из ее сетований обрушивались на нередких зевак и приезжих, снисходящих до визита в их деревеньку, чего-то требовавших, ждавших зрелищ и книжной деревенской жизни, словно незатейливые будни в глубинке были ненастоящими, а настоящим и значимым оставалось лишь то, что случилось более века назад.

* * *

Его мыслями завладевал мистер Дарси.

Адам полагал, что мужчина, мнимый женскими глазками, пытающийся подслушивать ее разговоры и находившийся под влиянием ее предвзятого отношения к нему, стоял на пути к забвению, и неважно, понимал он это или нет. Сам Адам мало что знал о том, как вести себя с женщинами, хоть мать и твердила ему, что ничего особенного в этом нет, но он задавался вопросом: случалось ли кому-либо в жизни, или на страницах книг, желать женщину так, как мистер Дарси, и в то же время, без всякого умысла, не делая ничего, чтобы сблизиться с ней, преуспеть в этом.

Больше, чем когда бы то ни было, он любил их двухэтажный домик с четырьмя комнатами, лепившийся у ответвления главной дороги на Винчестер, где у него была собственная комната и место для чтения. В его комнате под стрельчатой крышей стояла простая односпальная кровать, в которой он спал с самого детства. Дубовый шкаф и старинный комод стояли по углам напротив, а на книжной полке, некогда принадлежавшей отцу, была мальчишеская сокровищница – приключенческие романы и книги великих Конан Дойла, Дюма и Уэлса. А сейчас рядом с кроватью лежала довольно толстая библиотечная книга в твердом, ламинированном переплете, на обложке которой перешептывались две женщины в капорах, в то время как позади, у садовой урны, с важным видом стоял мужчина.

Два дня назад он тайком взял ее в библиотеке.

Читалась она легко.

Но это чтение не только забавляло, но и смущало его. Его удивляла фигура отца семейства, мистера Беннета, все свободное время проводившего в своем кабинете взаперти или тешившего самолюбие, высмеивая остальных. Персонаж миссис Беннет был куда понятнее, но что-то в их доме было не так, и он еще не встречался с подобным в литературе – с конфликтом в большой семье. Ему попадались книги о сиротах, предательстве друзей, разорившихся отцах, упрятанных в тюрьму за долги, но в основе сюжета всегда лежали месть, алчность или пропавшее завещание.

Фактически, Беннетты просто не любили друг друга. От писательницы, любившей счастливые развязки, он такого совсем не ждал. К сожалению, подобные отношения героев были ближе всего к реальности, в отличие от знакомых ему книг.

Покончив с главой, где Дарси показывает свое поместье женщине, столь грубо отвергнувшей его предложение, Адам в конце концов почувствовал, что засыпает. Ему вспомнилась недавняя гостья: ее крестик на цепочке и белоснежная, обворожительная улыбка, эти символы утраченной им веры и надежды. Какой странной казалась ему эта девичья прихоть и как далек был проделанный ради нее путь! Но вся она лучилась неподдельным счастьем, настоящим, которое он всегда искал в своих книгах.

Читая книгу Джейн Остен, он отождествлял себя с Дарси и видел, как оглушительна, громоподобна сила привлекательности, затмевавшей всю ясность здравых суждений. Теперь он начинал понимать, как люди могут управлять другими, не располагая никакими иными силами или средствами – если прикидываться глупцом, не обязательно, что тебя раскусят окружающие.

Он был уверен, что больше никогда не встретится с той американкой. Быть может, благодаря книгам Джейн Остен он сможет ощутить хоть малую толику ее радости.

Быть может, ее книги послужат ему ключом.

Глава 2

Чотон, Хэмпшир.

Октябрь 1943

Доктор Грей в одиночестве сидел за столом в своем маленьком кабинете у гостиной, одновременно служившей ему смотровой, и с горечью смотрел на рентгенограмму. Нижние конечности Чарльза Стоуна были совершенно раздроблены, и не было ни единой надежды на то, что со временем удастся восстановить их функции.

Прищурившись, он еще раз разглядел снимок в лучах золотистого октябрьского солнца, светившего в окно, хотя знал, что смотреть там уже не на что и лечение не станет ни на йоту проще.

Доктор Грей вырос в Чотоне, во время войны учился и проходил подготовку в Лондоне, а в 1930-м вернулся, заняв место старого доктора Симпсона. За прошедшие тринадцать лет он видел, как люди приходят в этот мир и как покидают его. Он знал историю каждого семейства и рок, тяготевающий над ним, будь то унаследованная астма или не проявившее себя в этом поколении психическое расстройство. Он знал, кому из пациентов можно сказать всю холодную, горькую правду и кто предпочтет не знать о ней. Чарли Стоуну не стоило говорить об этом, по крайней мере не сейчас. Это ввергло бы его в отчаяние преждевременно, иначе же само течение времени и близкая бедность возобладают над его гордыней.

Доктор Грей приложил пальцы к вискам, с силой нажал на них. На его журнале стояли флаконы с препаратами. Он рассеянно уставился на один из них, затем решительно поднялся со своего деревянного вращающегося кресла. Давно минул полдень, и, по обыкновению, в это время его медсестра-экономка приносила ему чай. Но ему хотелось свежего воздуха, избавиться от лишних мыслей и тяжелой ноши его повседневной работы. Для сельчан он был не только доктором, обладавшим непререкаемым авторитетом, но и наперсником, кем-то вроде доброго духа, что ведал и прошлое, и будущее.

Он вышел наружу. Зеленая дверь его крытого соломой, утопавшего в розах коттеджа вела прямо на улицу, и всегда была открыта для пациентов. Как и все старые деревенские батрачские дома, его домик стоял почти на самой дороге. В часы приема его медсестра, Хэрриет Пэкхем, опускала кружевные занавески, но любопытные взгляды местных все равно жадно пытались проложить путь в простроченной ткани и в тонкой щели меж ставнями.

Шагая по дороге, он увидел олтонское такси, подъезжавшее к развилке Винчестер-роуд, там, где недавно осушили старый пруд. Там же иногда встречались три утки, бесцельно блуждавшие в поисках своего потерянного рая. Теперь же доктор Грей наблюдал за тем, как из такси, как раз напротив старого домика Джейн Остен, в суетливом мелькании шляпок и сумочек, выгружались три женщины средних лет.

Несмотря на войну, чьи когти уже тянулись над Атлантикой, женщины определенного возраста все еще полагали возможным навестить Чотон, побывать там, где жила Остен. Доктор Грей был восхищен их силой духа – проделать такой путь, чтобы отдать дань наследию великой писательницы! Война высвободила в них что-то глубинное, уничтожив внутренний страх, вселяемый миром насильно, но павший перед лицом иного, куда более могущественного врага. Он задавался вопросом: не за такими ли женщинами будущее, предсказанное в кино? За энергичными, щебечущими путешественницами, идущими к желанной цели, малой или великой. Как Бэт Дэвис в «Иезавели» или Грир Гарсон в его любимой «Случайной жатве».

Раз в неделю, вечером, доктор позволял себе предаться увлечению, которое разделяла и его покойная жена – садился в автобус до Олтона и шел в кинотеатр, где показывали новый фильм. Остаток свободного времени он проводил в попытках отвлечься от мыслей о Дженни. Но когда в зале гасли огни и пары обнимались крепче, он вспоминал ее и те вечера, что провел

вместе с ней в этом зале. Она была без ума от слезливых мелодрам, где главная роль отводилась женщинам – таким, как Кэтрин Хепберн или Барбара Стэнвик. Иногда он спорил с ней, предлагая пойти на вестерн или фильм про гангстеров, но в итоге фильмы, которые выбирала она, нравились ему не меньше, чем ей самой. Иногда вместо того, чтобы сесть в автобус, они выбрали получасовую пешую прогулку обратно домой, а по пути обсуждали увиденный фильм. Он всегда с нетерпением ждал, что же она скажет.

Больше всего он любил ее за ум – а он был достаточно умен, чтобы понять, что она намного умнее. Она была одной из немногих девушек, учившихся с ним в колледже, и проводила равное количество времени и в библиотеке, и в лаборатории. Ее проницательный, ясный ум мог бы пригодиться в военном деле, но об этом, как и о многом другом, он уже никогда бы не узнал.

Ее не стало четыре года тому назад – всего лишь упала с лестницы, что вела в спальню. Споткнулась на последней, выступающей ступеньке, до ремонта которой у него никак не доходили руки, и разбила голову. Кровоизлияние в полость черепа оказалось столь массивным и нарастало так быстро, что он ничего не смог сделать, чтобы ее спасти.

Доктор, неспособный спасти собственную жену, приобретает печальную известность, тяжким грузом ложащаяся на него вкупе с горем и сознанием своей вины. Никто не судил его строже, чем он сам, но профессиональная гордость постоянно заставляла сомневаться в том, не виноват ли его местные в том, что случилось.

Минуя трех женщин, оживленно болтавших у белой калитки коттеджа Остен, он приподнял шляпу. Доктор не относился к тем, кого раздражали подобные паломники – каждый из них способствовал сохранению наследия Остен, книги которой он так любил, и он был благодарен деревенским за то, что они пусть невольно, но заботятся о чем-то очень важном.

Свернув на старую Госпорт-роуд, что вела к Большой Усадьбе и поместью Найт по соседству, он заметил члена школьного совета, приближавшегося с той стороны.

Они обменялись приветствиями, и прохожий отрывисто заговорил:

– Рад, что наткнулся на вас, Бенджамин. В школе опять проблемы.

Доктор Грей вздохнул.

– Новая учительница?

– Да, – кивнул тот. – Молоденькая мисс Льюис, вы верно угадали. Держит мальчишек на диете из писательниц восемнадцатого века. Я с ней говорил, да без толку.

Он помедлил.

– Может быть, вас послушает?

– И почему же?

– Хотя бы потому, что вы с ней примерно одного возраста.

– Не совсем.

– Кроме того, вы хорошо понимаете суть ее... эмм, методики преподавания.

Глаза доктора чуть заметно прищурились.

– Я практикую здесь уже много лет и могу предположить, что достаточно хорошо знаю всех, кто живет в округе. Однако из этого не следует, что я могу как-то влиять на них.

– Просто попробуйте, а? Будьте так добры.

Доктор Грей не думал, что ему удастся каким-либо образом повлиять на Аделину Льюис. Он знал, что все остальные члены совета, мужчины далеко за пятьдесят, боятся этой девушки, которая работала в школе всего один семестр. Ее уверенность в собственных планах по ведению занятий была непоколебимой, и она всячески противилась любому влиянию извне. Ростом она не уступала никому из них, особенно Грею – в нем не было и шести футов. Хуже всего было то, что Аделина Льюис была привлекательной, и настолько, что порой они теряли нить разговора. Она всегда смотрела прямо в глаза собеседника, не стеснялась выражать свое мнение, была готова поспорить – и каждый из них уступал ей. Доктор Грей покачал головой, пыта-

ясь вспомнить, когда в последний раз их общее собрание проходило без очередной подобной капитуляции.

– Что ж, – неуверенно протянул он, обводя взглядом окрестности, будто в надежде увидеть раненого, которому требовалась его помощь, – пожалуй, загляну к ней по дороге.

– Вот и славно, – улыбнулся его визави. – Вы точно не заняты?

Доктор вновь покачал головой:

– Нет, просто вышел прогуляться, освежить голову.

– Сомневаюсь, что беседа с мисс Льюис вам в этом поможет, – весело напутствовал его собеседник, салютовав шляпой и отправившись восвояси.

Доктор Грей с сомнением посмотрел ему вслед, затем продолжил свой путь, оказавшись у старой викторианской школы напротив крокетного поля. По его расчетам, сейчас, в полчетвертого, занятия уже подходили к концу. И, конечно, едва зайдя в опустевший кабинет для старших классов, он увидел Аделину Льюис – та что-то писала мелом на доске, обращаясь к девочке, сидевшей за учительским столом как за своим собственным. В руках у нее была книга Вирджинии Вулф.

На доске четкими белыми буквами было выведено: *«Брак как общественный договор по борьбе с бедностью»*.

Доктор Грей снова вздохнул, и, должно быть, Аделина услышала это, резко обернувшись.

– Вы посланы с тем, чтобы прочесть мне нотацию?

Она улыбалась – непобежденная, знающая обо всем заранее. Его губы непроизвольно сжались.

– Я здесь не для того, чтобы вас отчитывать. Я хочу понять, что вами движет. Заставлять целый класс мальчишек-подростков читать женские романы? Вы это серьезно?

Аделина взглянула на девочку за столом. Та закрыла свою книгу и теперь с неподдельным интересом наблюдала за ними.

– Не только мальчиков, доктор Грей. Вы уже знакомы с мисс Стоун.

Доктор кивнул.

– Как дела, Эви? Как папа?

Та самая рентгенограмма принадлежала ее отцу. Прошло несколько месяцев с тех пор, как Чарли Стоун попал в аварию на своем тракторе. Грей знал, какой трагедией это обернулось для его семьи – как личной, так и финансовой. Он знал и то, что ее отец никогда не сможет вернуться к работе, но пока не мог напрямую сказать об этом. Больше всего его волновало то, как семья, где самому старшему из детей не было и пятнадцати, будет жить, лишившись единственного источника дохода. Люди на ферме толковали о том, что Эви придется бросить школу и наняться служанкой – еще одна тайна, которую следовало хранить.

– Он все время читает, – ответила Эви. – Мисс Льюис дала ему список книг, чтобы он не скучал, и он читает их одну за другой.

Доктор Грей удивленно повел бровью, словно наткнувшись на нечто, способное помочь ему.

– Могу ли я взглянуть на этот список?

– Вряд ли, – возразила Аделина, и в голосе ее чувствовался холодок. – С меня и так достаточно всеобщего порицания.

Эви, продолжавшая наблюдать за взрослыми, уловила странную перемену в их состоянии, как будто они забыли о том, что она здесь. Широкоплечий кареглазый доктор Грей, чьи волосы уже тронула седина, всегда был учтив в обращении с женщинами, и его манеры, равно как и род занятий, привлекали к нему их взгляды и, как догадывалась Эви, разжигали в них страсть. Но с Аделиной он всегда держался настороже и был готов дать ей отпор – как и сейчас. А она, в отличие от остальных женщин, не стремилась оказывать ему должное почтение, и Эви подозревала, что его это весьма раздражало.

– А что, если нам спросить, что думает мисс Эви? – предложила Аделина, и девочка, отвлекшись от своих мыслей, увидела, что теперь взрослые смотрят на нее.

Впрочем, ей не хотелось вмешиваться – когда дело касалось методики преподавания, она всецело поддерживала мисс Льюис. Эви взяла с соседней парты портфель с учебниками, кивнув, наскоро попрощалась с ними и убежала, скрипя старыми дубовыми половицами.

– Ох уж эти четырнадцать лет – никакой выдержки! – рассмеялся доктор Грей, едва та покинула классную комнату.

– Вовсе нет, у Эви Стоун достаточно самообладания. Просто она не хочет с вами ссориться.

Аделина обогнула учительский стол, присела на край, скрестив руки на груди, а ее пальцы все еще сжимали кусочек мела. На ней была простая коричневая юбка до колен, чуть приоткрытая кремовая блузка, подчеркивавшая смуглость ее кожи, и зашнурованные коричневые оксфорды с наборным каблуком, которые доктор в последнее время видел на ногах каждой работающей девушки.

– Послушайте, доктор Грей, мы здесь занимаемся критическим и тематическим анализом текстов. Будет ли лучше, если дети пустятся на поиски сокровищ или битву с пиратами? Сквозь призму литературы они воспримут традиции нашего общества, а это важно как для юных джентльменов, так и для юных леди. Или вы так не считаете?

Доктор Грей снял шляпу, взъерошил волосы, усевшись на стульчик за партой, а она молча наблюдала за ним, склонив голову набок.

– В чем дело? – спросил он, увидев, как пристально она смотрит на него.

– Сидя вот так, вы кажетесь таким маленьким. А ведь вы высокого роста.

– Полагаю, я ненамного выше вас.

– Да, но кажется, что наоборот.

– Может, добавьте хотя бы что-то из Троллопа, например «Доктора Торна»?

– Опять вы с вашим Троллопом.

Она скрестила ноги, по-прежнему разглядывая его, будто у нее была уйма времени на то, чтобы спорить с ним.

– Слушайте, вы же любите Остен не меньше, чем я, это все знают. Я же рассказываю им и о наполеоновских войнах, и об аболиционизме тоже.

– В этом я не сомневаюсь, – ухмыльнулся он. – Вы ничего не упускаете и с должным тщанием подходите к планированию занятий. Однако остальные члены совета...

– И вы заодно?

– Я не во всем с ними согласен – по большей части потому, что не хочу, чтобы вы потеряли работу. Когда вы устраивались на нее, я был рад тому, что вы сможете быть рядом с домом и помогать своей матери. Как и тому, что вы, уроженка Чотона, будете закалять умы нашей молодежи.

– К чему все эти формальности, доктор Грей? Просто скажите, что вам от меня нужно. Вы же знаете, что я это сделаю... когда-нибудь, – добавила она, кокетливо улыбаясь.

Глядя на нее, он постепенно приходил к мысли о том, что она смеется над ним или, по меньшей мере, бросает ему вызов. Он часто ощущал это, говоря с Аделиной, и подобные чувства тревожили его.

– Эй, Адди! – голос, принадлежавший молодому мужчине, пробасил в коридоре.

Доктор обернулся, увидев, как в класс вошел радостный Сэмюэль Гровер, при полном параде.

– Как ваши дела, доктор Грей? – Мужчина уселся рядом с Аделиной, обняв ее за талию и крепко поцеловав в щеку.

Бенджамин Грей, сельский врач, уже много лет заботился о них – оба росли на его глазах, темно-русые, кареглазые, шутливые, отражаясь друг в друге, как в зеркалах. Родители могли

ими гордиться – Сэмюэль пошел по стопам своего отца, избрав юриспруденцию, Аделина же получила учительский диплом. Правда, доктор еще не знал, что теперь они встречаются.

Он довольно резко поднялся, взяв в руки шляпу.

– Что ж, мне пора. Мисс Льюис, Сэмюэль... то есть офицер Гровер...

Он направился к выходу, и Аделина бросилась вслед за ним.

– Простите, подождите, мы же не договорили! – она схватила его за рукав, пытаясь задержать.

Он взглянул на протянутую руку и впервые заметил обручальное кольцо с маленьким гранатом на ее пальце.

– Я правда не знал, – поспешно сказал он. – Мне следовало бы вас поздравить. Пожалуйста, передайте наилучшие пожелания Сэмюэлю.

– Доктор Грей, все в порядке? Я обещаю подумать над вашими словами – пожалуй, я действительно перестаралась. Как говорится, власть опьяняет.

Она улыбалась ему – искренне, радостно. Он в первый раз видел ее такой счастливой.

– Вы уже определились с датой? – он мял шляпу в руках.

– Нам спешить некуда.

– Вы еще так молоды.

– Не настолько, чтобы Сэмюэля не отправили служить короне и отечеству. И все же, вы правы, постоянно напоминая мне о том, как мы юны. Ну и пусть – ради этого стоит жить.

Улыбка не сходила с ее лица.

– Уверен, у вас все получится. А мне пора.

Надев шляпу, он вышел на дорогу, ведущую в город.

Как он и предполагал, разговор с Аделиной Льюис не внес никакой ясности в его мысли.

Глава 3

Лондон, Англия.

Сентябрь 1945

В большой зале на нижнем уровне «Сотбис» яблоку негде было упасть – все бамбуковые стулья с прихотливой вышивкой на подушках были заняты, и из остальных комнат пришлось принести еще больше. В панельных зеркалах на стенах отражалось множество спин тех, кому так и не нашлось свободного места, и воздух был словно наэлектризован от напряжения, овладевшего всеми, едва директор аукционного дома взошел на подиум.

– Сегодня перед нами предстанут предметы из Годмершэм-парк, родового имения семейства Найт, расположенного в самом сердце Кента. Среди его владельцев и гостей были члены королевской династии Сакс-Кобургов, а также мисс Джейн Остен, писательница, чей старший брат наследовал поместье в 1794 году.

Толпа зашелестела, когда зеркальные двери распахнулись перед эффектной женщиной лет тридцати, и она осторожно огляделась вокруг. Ей досталось место в первом ряду – узнав ее, несколько джентльменов разом поднялись, уступив ей.

Заместитель директора «Сотбис» по продаже предметов из частных коллекций Ярдли Синклер стоял в стороне от подиума, наблюдая за происходящим. Он мысленно поздравил себя с тем, как удачно ему удалось разыграть опоздание этой леди – теперь публика волновалась больше прежнего. Она уже несколько лет посещала аукцион, интересуясь вещами Остен, и недавно даже приобрела раритетное первое издание «Эммы» по немыслимой цене. Ярдли сделал все для того, чтобы она одной из первых узнала о продаже поместья Годмершэм. Он знал, что в ближайшие месяцы график ее работы в голливудских студиях будет плотным, и дал ей шанс прилететь сюда вовремя.

Он видел, как, подавшись вперед, она переглянулась с мужчиной в соседнем ряду. Ярдли заметил, что они безмолвно обменивались знаками, и сердце его забило сильнее, когда он осознал серьезность их намерений. Джентльмен выглядел так, будто сегодня его ждала грандиозная победа.

Ярдли одолевали противоречивые чувства. Усадьба Годмершэм была одной из тех, чьи владельцы пережили Первую мировую войну, но сдались под натиском бедствий Второй. Несколько десятков лет в «Сотбис» не спускали глаз с хранившегося там наследия Остен, чья популярность год от года все росла – особенно за границей. Обеспеченные американцы яростно взвинчивали цены на различные издания и письма, и Ярдли знал, что близится день, когда некоторые из них окажутся не по карману обычному коллекционеру. Всю его команду питали надежды на то, что сегодняшний день будет провозвестником этой новой эпохи. Пока кое-что из написанного Остен еще продавалось по весьма разумной цене, и сам Ярдли владел первым собранием сочинений 1833 года, купленным у антиквара в Черинг-Кросс еще в годы учебы в колледже.

– Лот номер десять, – провозгласил директор аукциона, – превосходное ожерелье с крестом. С топазами. Куплено Чарльзом Остеном, братом Джейн Остен, на наградные деньги, полученные за захват вражеского корабля во время службы в королевском флоте. К нему прилагается похожий крест, также топазовый. Цепочки из чистого золота, украшения упоминаются в семейной переписке Остен – Найт, как принадлежавшие Джейн Остен и ее сестре Кассандре. В каталоге перед вами представлены нотариально заверенные копии писем.

Ярдли знал, что кинозвезду в третьем ряду более всего интересуют три лота из всего каталога: простое золотое кольцо с бирюзой, подлинной владелицей которого являлась сама Джейн Остен, оба топазовых креста и маленький переносной письменный столик красного дерева, передававшийся по наследству в ее семье. Хоть «Сотбис» и не могли подтвердить, что

писательница работала именно за этим столом, будучи дома или в разъездах, он был одним из двух, принадлежавших ее родне. Другой же затерялся в чьей-то частной коллекции.

– Лот номер десять, – повторил директор. – Стартовая цена в сто фунтов, оценочная стоимость тысяча фунтов. Сто фунтов, есть желающие?

Актриса ответила легким кивком.

– Сто фунтов, принято! Сто пятьдесят фунтов, есть желающие?

Другой кивок, на сей раз с задних рядов. Она обернулась, затем бросила взгляд на джентльмена в соседнем ряду.

Так прошло несколько минут, ставки все росли. Когда после тысячи фунтов кто-то заявил полторы, директор вопросительно посмотрел на коллегу у зеркальной стены, справа от подиума. Они кивнули друг другу.

– Две тысячи фунтов, кто больше? – бросил он с подиума.

Ярдли наблюдал за безмолвным диалогом джентльмена и кинозвезды. Росту в нем было больше шести футов, и он ничуть не уступал ей в привлекательности, возвышаясь над всеми, кто сидел с ним рядом. На нем был строгий темно-серый костюм и броги цвета темного шоколада. Он не смотрел ни на свои «Картье», ни в каталог, ни на лица вокруг – только на нее одну. Ни одобрение, ни волнение не отражались на его лице. Ставки выросли еще больше, теперь толпа в едином порыве склонилась вперед, возбужденно перешептываясь. Но этот мужчина бесстрастно, с обыденным видом продолжал раз за разом поднимать вверх указательный палец в ответ на все новые ставки, словно ему это наскучило.

– Пять тысяч фунтов! – воскликнул аукционист, и зал отвечал одобрительным гудением. Теперь все глаза были прикованы к голливудской звезде и невозмутимому джентльмену в соседнем ряду.

– Пять тысяч раз... пять тысяч два... продано! Два топазовых креста, принадлежавших Джейн Остен и ее сестре, проданы джентльмену в третьем ряду за пять тысяч фунтов.

Красавица вскочила с кресла, бросившись к победителю, чтобы обнять его, и тот улыбнулся. Он смотрел на ее прекрасное лицо, и Ярдли понял, что все эти ставки были ради нее. Все остальные могли лишь глазеть на это лицо, такое недостижимое на экране, но здесь и сейчас она принадлежала ему одному – как и топазовые крестики.

Кольцо было продано под четырнадцатым номером, за рекордную сумму в семь тысяч фунтов – и вновь победителем вышел спутник актрисы. Столик из красного дерева был продан почти за две своих оценочных стоимости, несмотря на отсутствие официального заверения в его подлинности, – его обладателем стал коллекционер-американец, состязавшийся с Британским музеем. Ярдли поморщился – он считал, что подобные вещи должны принадлежать англичанам или, по крайней мере, храниться в одной коллекции. Когда аукцион закончился, собрав неслыханные суммы, Ярдли и директор «Сотбис» пригласили актрису и ее спутника отпраздновать победу за бокалом шампанского. Отзвучал тост за успехи минувшего дня, и Ярдли спросил у дамы, что та планирует делать с украшениями.

– Планы? – эхом откликнулась она. – Даже не знаю... Наверное, буду их носить.

При одной мысли о том, что столь драгоценное наследие будет валяться где-то на ночном столике или затеряется на заднем сиденье кеба, у Ярдли разболелась голова.

– Но ведь они бесценны... – начал он.

– Мисс Харрисон сама решит, *насколько* они ценны, – вмешался джентльмен. – Для этого они и были мною куплены.

Ярдли отметил, что после этих слов радостное возбуждение на ее лице впервые сменили иные чувства. Теперь он думал о том, насколько близки их отношения. Не был ли этот подарок частью куда более важной сделки? До него доходили слухи об актрисах театра и кино, и все же в этом случае он сомневался до последнего.

– Согласна, это прозвучало чересчур легкомысленно, – сконфуженно проговорила она. – Мне следовало бы тщательнее следить за своими словами. Должно быть, переволновалась сегодня. Разумеется, я позабочусь о том, чтобы о драгоценностях заботились самым тщательным образом.

Она посмотрела на Ярдли так, словно искала примирения, и он вновь отметил, как умело она подстраивалась под окружающих. «Американка», – подумал он: оступившись, мгновенно исправится, и не без изящества, как будто это совершенно ничего ей не стоит.

– Вы довольны тем, как все прошло? – спросила она.

Ярдли задумчиво потягивал шампанское, затем опустил бокал.

– Несомненно, я рад такому успеху – я много лет занимался продажей поместья. Вы, разумеется, знаете, как тяжело отыскать сколь-нибудь значимые предметы, связанные с Остен. Осталось лишь имение Найт в Хэмпшире, но с главой семейства невозможно вести дела, а его единственная наследница, мисс Франсес Найт, – старая дева, страдающая агорафобией.

– Агорафобией? – спутник актрисы оторвался от изучения документов.

– Именно, – ответил Ярдли, заметив вопросительный взгляд дамы, адресованный джентльмену. – Не выходит из дома, боится открытых пространств.

– Как жаль, – вздохнула та. – Весьма готично.

Ярдли улыбнулся. Подобно ему, она тоже застряла в прошлом.

– Надеюсь, что ей небезразлично наследие Остен, – добавил он. – Мы оба знаем, как я хочу, чтобы как можно больше принадлежавших ей вещей не покидало пределов Англии.

Она не сумела скрыть улыбку и вновь посмотрела на своего компаньона.

– Что ж, Ярдли, у меня для вас отличные новости – в моем случае так и будет. Я переезжаю в Англию.

– Воистину, новости просто чудесны! – воскликнул он. – Я и подумать не мог. Теперь все ясно. Где планируете поселиться?

– Мы... – она вновь взглянула на джентльмена, – мы будем жить в Хэмпшире. Подумать только! Что вы на это скажете?

– Учитывая обстоятельства, это просто прекрасно, – согласился Ярдли, заметив, что на ее безымянном пальце нет обручального кольца. – Займемся кольцом? – предложил он с улыбкой.

– Кольцом? Конечно! – В ответной улыбке было столько страсти, что он не в силах был устоять.

Были улажены все дела с бумагами и реквизитами счета в нью-йоркском банке. Ярдли взглянул на директора, и, обменявшись еле заметными кивками, они решили извлечь лот под четырнадцатым номером. Когда директор вышел из зала, Ярдли с восхищением подумал о том, что большая, и самая важная, часть его работы проходила именно так, без единого слова. Подобно актеру, он постоянно угождал нуждам и требованиям других, а найдя к ним подход, получал свою толику власти.

Директор аукциона вернулся через несколько минут, сообщив Ярдли, что в связи с некими затруднениями со стороны Манхэттенского банка юристы покупателя договорились о снятии средств с его европейского счета. Это значительно ускоряло весь ход дела, и они только что получили телеграмму из Цюриха, подтверждающую перевод необходимой суммы. Ярдли одобрительно кивнул, затем подошел к джентльмену, передавая ему маленькую пронумерованную коробочку.

– Полагаю, теперь оно ваше, – он протянул коробочку новому владельцу, которым оказался Джек Леонард, успешный предприниматель и начинающий голливудский продюсер.

Женщина мгновенно поднялась с кресла, и каблук ее туфельки – таких высоких Ярдли еще никогда не видел – слегка задел край антикварного индийского ковра.

– Боже мой! – воскликнула она, едва удержав равновесие и протягивая дрожащую руку навстречу коробочке.

Джек встал, принимая лот из рук Ярдли, затем игриво поднял его над головой, куда она не могла дотянуться. Ярдли знал, что в этом жесте было нечто помимо простой шутки, так как женщина была столь же преданной поклонницей Остен, как и он сам. Что-то между насмешкой и жестокостью.

– Все приходит к тем, кто ждет, – сказал ей Джек, как только она сдалась, притворно опустив руки, признавая поражение.

И все же Ярдли не доверял этому голливудскому магнату с внешностью покорителя сердец. Американцы простились с ним и в сопровождении охраны растворились в сентябрьских сумерках, а он все гадал, кто же из этой пары настоящий актер.

Мими Харрисон встретила Джека Леонарда полгода тому назад, возле бассейна на задворках особняка, принадлежавшего продюсеру ее нового фильма *«Отечество и слава»*. То была история вдовы, чьи сыновья сражались на разных фронтах, так как командование флота сочло, что так она меньше рисковала потерять обоих детей сразу. Но те отчаянно желали быть вместе, что привело к неотвратимой трагедии. Несколько лет назад, по дороге в Англию, Мими уже слышала похожую историю и согласилась на роль, даже не читая сценария.

То была слезливая мелодрама для женщин, из тех, что сделали Мими Харрисон звездой Голливуда. Она намеревалась стать великой актрисой театра, получив диплом колледжа Смит по специальности «История и сценическое искусство», работала на Бродвее, играя яркие роли второго плана в середине тридцатых и с неохотой сменив свое прежнее имя, Мэри Энн, звучавшее куда более сурово. Но на одном из вечерних спектаклей ее необычайное лицо в обрамлении темных волос привлекло внимание режиссера по подбору актеров, сидевшего в первом ряду, и ее пригласили на пробы без макияжа в Нью-Йорке, пройдя которые, она отправилась поездом на запад, в Лос-Анджелес. Там ее ждали новые кинопробы, на сей раз с гримом, за которыми последовали обесцвечивание веснушек и небольшое хирургическое вмешательство, узнав о котором, ее мать сгорела бы со стыда.

– Деточка, всего одна операция здесь тянет на рекорд, – заметил помощник костюмера, когда Мими указала ему на оставшийся рубец. Поборница правды, она чувствовала, что ее тело уже не на сто процентов такое же, как и прежде, и просто не могла скрывать это.

Первый день в студии стал для нее весьма насыщенным. За ней моментально приударил актер, игравший в популярных комедиях эпохи Великой Депрессии, и, по прошествии нескольких дней неотступных ухаживаний, она сдалась, согласившись на ужин в «Чейзен». После ужина, впрочем, ничего не последовало, и с этим ухажер категорически не желал мириться, но подобная реакция нимало ее не расстроила. В ее послужном списке уже значились успешные роли, и она была старше многих актрис, впервые оказавшихся в Голливуде, а потому была уверена в том, что ее бы не было здесь, если бы она не была особенной. Уступить ему от страха означало бы обесценить себя, ступить на путь падения. Так учил ее отец, выдающийся судья третьего окружного апелляционного суда, прививший ей любовь к верховой езде, искусству эпохи Возрождения и книгам Джейн Остен.

В первые несколько месяцев многие мужчины пытались соблазнить ее, провести с ней ночь – или даже меньше, если спешили на продолжение вечеринки, где на входе снова встречали ее, такую неприступную. Существовал лишь один человек, которого она должна была сделать счастливым – владелец студии, Монти Картрайт, в котором она с самого начала упорно и умело взращивала отеческие чувства, пока тот сам не поверил в то, что он и впрямь настоящий мужчина, особенно когда дело касалось Мими Харрисон.

Ее десятилетняя карьера в Голливуде была чрезвычайно успешной. Согласно условиям контракта, она могла сниматься в одном фильме в год на стороне, помимо этого в среднем успевая играть роли в четырех картинах студии, а значит, времени на светскую жизнь и отношения у нее почти не было. Гонорары в сорок тысяч долларов за фильм делали ее одной из самых высокооплачиваемых актрис во всем мире.

Ее встреча с Джеком Леонардом, чей заработок был куда больше, была лишь вопросом времени.

За тем, как росли кассовые сборы картин с ее участием, которые выпускала конкурирующая с ним студия, он наблюдал с несвойственным ему терпением. К богатству он пришел не столь прямым и открытым путем. Из поколения в поколение в его семье передавалось состояние, нажитое производством одежды, и теперь он владел им. В годы Депрессии он выжил, приобретая акции компаний, близких к разорению, а затем перекупая всех конкурентов. Когда за дело принялись рузвельтовские антимонополисты, Джек начал переводить активы за границу, заключая сделки с европейскими производителями стали и оружия, став их незаменимым партнером – Европа наращивала свою военную мощь. Чутье всегда безошибочно подсказывало ему, каким курсом идти и как переиграть многочисленных конкурентов, используя их слабости. Вся жизнь Джека Леонарда была сплошной нескончаемой битвой.

Он был совершенно не склонен к саморефлексии и все свои силы направлял на изучение людей вокруг. Понять себя он не стремился – нечего было понимать. Он прекрасно знал это, и знал также, что никто никогда ему не поверит – с виду он выглядел и вел себя как обыкновенный человек, но лишь немногим из людей была дана подобная воля к возвышению над всеми остальными. Если бы кто-либо из его соперников мог представить, с каким тщанием Джек готовился к очередной битве, быть может, он бы выстоял в борьбе против него, но даже тогда не смог бы выжить. Джек продолжал свой победоносный путь, уничтожая всех, кто стоял у него на пути, преумножая свое состояние, убедив себя (что вовсе не сложно для бездушного дельца), что секрет его успеха заключен в безупречном предугадывании всех ходов игры.

Чем больше денег он делал, тем больше ему хотелось – и к этой цели он шел без сомнений. Без движения вперед нельзя было победить, без денег он бы проиграл вдвойне, и когда кое-кто из его партнеров по бизнесу решил вложиться в киностудию на Западе, он без колебаний присоединился, чтобы иметь доступ к юным красоткам, не тратя ни особых сил, ни значительных средств. Да и время для такого предприятия было подходящим – множество выдающихся продюсеров, актеров и режиссеров были на фронте, сражаясь с нацистами.

Была весна 1945-го, была задействована вся военная мощь Америки, его сделки по поставкам стали и оружия приносили миллионы, его студия выпускала по фильму в неделю, и вот Джек Леонард, как башня, возвышался над Мими Харрисон, что отдыхала на шезлонге в закрытом фиолетовом купальнике.

Она взглянула на солнце одним глазком – его свет частично перекрывал Джек, вставший рядом, и не преминула указать на это:

– Вы загораживаете мое солнце.

– *Ваше* солнце? – он удивленно повел бровью.

Она приподнялась, оглядев его из-под темных очков, затем поправила их на все еще веснушчатом носике.

– Взяла займы у владельца виллы.

– В займах я кое-что смыслю. Джек, – он протянул ей руку, – Джек Леонард.

Тень неведения легла на ее лицо, и он почувствовал, как от раздражения напряглись его шейные мышцы.

– Мими Харрисон, – она протянула руку в ответ. Ее рукопожатие было необычайно крепким для женщины, а на чуть грубоватых руках не было ни единого украшения.

Бросив взгляд на свою ладонь, все еще покоившуюся в его руке, она добавила:

– Увлекаюсь верховой ездой.

– И снимаетесь в кино.

– Да, когда я не в седле.

– Или когда не читаете? – он небрежно поднял книгу с соседнего шезлонга, чтобы рассмотреть обложку. – «Нортенгерское аббатство», – проговорил он, с интересом взглянув на нее.

Это было чем-то вроде испытания – во всяком случае, здесь, в Лос-Анджелесе. Владельцы киностудий интересовались не книгами, а прибылью. Актеры же всегда предпочитали быть в движении, так как сидение на месте наскучило им еще со школьной скамьи. За все эти годы она уже позабыла, как много раз ей довелось летать на двухместных самолетах, кататься на мотоцикле, ходить под парусом, играть в гольф, бродить по дну каньонов и ночевать в рыбацких хижинах.

– Джейн Остен, – она безразлично пожала плечами. – Вы не знаете, кто это?

Он положил книгу обратно, сел на край шезлонга, повернулся к ней.

– К роли готовитесь?

– Если бы. Просто отдыхаю.

– Отдых переоценен.

Настолько самоуверенный мужчина ей еще не встречался. Он наверняка знал, кто перед ним, а вот она видела его впервые.

– И что же представляет для вас ценность?

– Победа.

– Любой ценой?

– Ничто не может цениться выше и стоить больше, чем победа. Война – вот хороший пример.

Она вздохнула, весь ее вид выражал скуку, и теперь огонек раздражения прополз по его спине, а затем взобрался обратно, дойдя до висков.

– И почему вы, мужчины, все сводите к войне?

– Почему нет? Это касается всех нас.

– Простите, не знала. Вы скоро отправитесь на фронт?

Вот теперь голова разболелась по-настоящему. Он поднялся с шезлонга.

– Нет, я никуда не собираюсь. Это не в моем стиле. И полагаю, что не в вашем. Думаю, что... как бы там ни было, я рад знакомству.

Он помедлил, и в его карих глазах на миг блеснуло подобие страсти.

– Я всегда надеялся встретить вас.

Так она впервые узнала, что и ему не чуждо подобие слабости. Он явно привык получать все, что захочет. И она знала, что теперь он хочет обладать ею. Только ей под силу было навести мосты между его самонадеянной бравадой и интересом к ней. Как сказала бы Элизабет Беннет, «это весьма отратно».

Мими взглянула на его идеально выглаженную белую рубашку, форменные брюки песчаного цвета, как и его волосы, заметила блеск «Картье» на загорелом левом запястье и поблекший след от кольца на безымянном пальце. Она была уверена в том, что скоро узнает о Джеке куда больше.

Глава 4

Чотон, Хэмпшир.

Август 1945

Доктор Грей закончил дневной обход, решив прогуляться и привести в порядок мысли. Он направился вдоль по Винчестерской дороге, минуя коттедж Остен, затем прошел по старой Госпорт-роуд, пока не достиг длинной гравийной дорожки, ведущей к поместью Найт и кладбищу церкви Святого Николая.

Чуть поодаль, у калитки, виднелась телега Бервика, на которой уже не было ни единого тюка с сеном, но сегодня ему не хотелось разминать ноги, гуляя по летним полям, что тянулись до Верхнего и Нижнего Фаррингдона.

Вместо этого он пошел по дороге к церкви. Недавно пробило три, и он знал, что преподобный Пауэлл сейчас в отлучке – навещает больных, как и он сам, только в другие часы. В их деле было намного больше общего, чем они считали. Но там, где священника просили повлиять на реальность молитвами, лекарства, прописанные доктором, давали надежду на то, чтобы противостоять ей. У этой судьбоносной монетки было две стороны. Что станет препятствием на ее пути, что заставит отступить уродливую неизбежность – ступенька на лестнице, рентгенограмма? Он всю жизнь боролся с тьмой, пытаясь рассеять ее, хоть слишком часто сам желал ей сдаться.

Он всегда любил эту маленькую каменную церковь вдали от дороги, на маленьком склоне, обнесенном стеной. В ней всегда было уютно, и в то же время места в ней было ровно столько, что она всегда казалась полной прихожан. Хотя он не мог сказать, чувствуют ли все они это, но именно здесь связь с семейством Остен ощущалась наиболее сильно. Церковь стояла на территории имения Чотон-Парк, которое досталось Эдварду, старшему брату Джейн, от пожилой бездетной пары, усыновившей его, чтобы не остаться без наследника. В состав имения входил также домик прислуги на перекрестке Госпорт-роуд и Винчестер-роуд, в котором нашла приют своим писательским трудам Джейн Остен, так много лет зависевшая от родственников-мужчин. Минуло полтора века, и семейство Найт все еще властвовало здесь – их гербы украшали витражи, алтарь стоял над фамильным склепом, а скамьи были вырезаны из дуба, срубленного на их землях.

Доктор Грей зашел внутрь, сняв шляпу, перекрестился и увидел Аделину Гровер, молившуюся на скамье у алтаря. Ее длинные прямые каштановые волосы касались пунцовых щек, а голова клонилась к груди. На ней было простое, свободное домашнее платье в цветочек, с беленьким девчоночьим воротничком и манжетами на коротких рукавах.

Ее муж, Сэмюэль Гровер, пропал без вести в прошлом марте, участвуя в авианалете близ хорватского побережья, ничего не зная о том, что она была на первом месяце беременности. Теперь ребенок был всем, что ей осталось, – тело мужа покоилось под простым белым крестом на скалистом острове Вис. Доктор Грей дивился выдержке, с которой эта молодая женщина приняла случившееся. Он думал, что, с присущей ей порывистостью, она быстро ожесточится, получив от жизни столь тяжкий удар. Но она, вопреки всему, приобрела некий ореол жизнерадостности и почти что отчаянную уверенность в том, что в конце концов все будет хорошо. Он мог списать это на ее молодость, но, наблюдая таких пациентов, как Адам Бервик, он знал, что в подобном возрасте такую трагедию перенести намного тяжелее.

В последние полгода каждое воскресенье из прохода между рядами он наблюдал за тем, как она стоит на службе, сложив руки на своем растущем животе, умиротворенно слушая речь преподобного Пауэлла. Быть может, приближение родов способно так влиять на женщин? Он не знал этого, но думал, что ее беременность приглушила боль, которую ей принесло ее горе.

Да и ему ли судить кого-либо? Иногда он задавался вопросом, а что же хорошего вообще несет в себе горе?

Услышав, как тяжело он шагал по старым камням, Аделина подняла голову, но не обернулась. Он молча наблюдал, как она перекрестилась, поднявшись со скамьи, и направилась к нему.

Доктор вспомнил прошлый февраль, день их свадьбы с Сэмюэлем, ради которого молодой офицер взял свой последний отпуск. Хоть в глазах ее всегда горели огонь и жажда жизни, в тот день она просто сияла. И все же, какой бы чудесной и сильной духом ни была Аделина, ее манера преподавания была слишком современной для их сонного Гэмпшира. Она уволилась в прошлом весеннем семестре, не отработав и его половины, сразу вслед за тем, как вышла замуж, и посвятила себя домашним заботам в ожидании возвращения Сэмюэля. Даже сейчас, в эти жаркие дни на исходе лета, когда до родов оставалось каких-то три месяца, проходя мимо их маленького домика, доктор Грей иногда видел, как Аделина возится на грядках в саду, собирая кабачки, фасоль и свеклу для заготовок на зиму.

Он улыбнулся, надеясь, что она не пройдет мимо и заговорит с ним.

– Как вы себя чувствуете, Аделина?

– Лучше, чем на прошлой неделе. Соглашусь, это весьма странно – все женщины наперебой твердят мне, что должно быть наоборот.

– Не стоит их слушать, – рассмеялся доктор. – Как прицепятся к чему-нибудь, так и поведется. Что ж, хоть в чем-то они последовательны.

Она направилась к выходу, и он последовал за ней.

– Я вас задерживаю? – спросила она.

– Вовсе нет, наоборот, это я думал, что задерживаю вас.

Она покачала головой:

– Нет, я уже сказала все, что хотела. И еще кое-что.

– Уверен, что он выслушал вас. Ведь такую, как вы, невозможно не услышать.

– Доктор Грей! – воскликнула она с притворной досадой.

Он был одним из немногих в Чотоне, кто не сторонился ее, словно внезапно пораженный воспоминанием о ее утрате, – а от подобного ей становилось лишь хуже, хоть никто и не желал ей зла. Ей всегда нравился сдержанный юмор доктора, как и его наставническая манера общения, хоть она и догадывалась, что на самом деле он далеко не такой строгий, каким кажется. Когда Сэмюэль получал отпуск и ходил с ней в олтонский кинозал на фильм, который всегда выбирала она, иногда в окутанной табачным дымом и окруженной парочками одинокой фигуре на заднем ряду Аделина с удивлением узнавала доктора Грея, смотревшего очередную слезливую романтическую мелодраму с Мими Харрисон.

Быть может, эти киносеансы были для него чем-то сродни катарсису? Она дивилась выдержке, с которой он носил в себе все страшные диагнозы своих больных, зная, что поделиться этим с кем-либо значило бы лишь усилить его боль, ведь подобные слова способны были убить. Даже когда в школе они ломали копыя в диспутах о методике ее преподавания, она всегда считала доктора Грея одним из добрейших людей в их деревне, всегда готовым улыбнуться и приободрить. С тех пор, как погибла его жена, она не знала, может ли он довериться кому-нибудь. Его медсестра Хэрриет Пэхем должно быть, имела некие виды на доктора, судя по всем тем слухам, что распускала о нем в городе.

Вместе они шагали навстречу закату. Две туристки брели по тропинке, глядя на гравийную дорогу, на церковь в ее тенистом древесном укрывище и на елизаветинский особняк на холме.

– Вернулись, – заметила Аделина. – Немного времени прошло. Только мировая война и была способна им помешать.

– Вы когда-нибудь задумывались над тем, как нам повезло жить вот здесь, совсем как во времена Джейн Остен? Я – да. Иногда мне кажется, что это одна из тех причин, по которым я вернулся.

Аделина с интересом посмотрела на доктора.

– Вообще-то, я тоже так думала. Всегда. Когда я была девочкой, благодаря подобным мыслям это место становилось волшебным. Как ей вообще удавалось создавать такие сюжеты среди всего этого – этой аллеи, тропинки, церквушки, этих залитых солнцем полей и калитки... Все это такое... такое английское! Они же приезжают сюда, чтобы увидеть все это, потому что ее мир реален. Здесь все это существует *на самом деле*.

Он кивнул, соглашаясь с ней.

– Хотел вам сказать, что вновь перечитываю «Эмму». Каждый раз нахожу что-то новое, какую-то упущенную деталь. Словно она все еще творит, и все ее книги живут до сих пор.

Аделина любила говорить с ним о книгах. Когда ее собирались уволить из сельской школы, хоть она и использовала собственную свадьбу как предлог для ухода, нетерпимость к ее методике преподавания достигла апогея. Многие темы и авторы были сочтены неприемлемыми для обсуждения с учащимися, но Аделина считала, что сельским попечителям не стоило вмешиваться в литературные дела, так как об этом уже позаботились куда более образованные и мудрые умы. Единственным, с кем она могла свободно общаться на тему любимых книг, оставался доктор Грей.

– Даже не знаю, что вам ответить, доктор. Эмма, она... то есть я всячески поддерживаю ее бодрость духа, но иногда мне трудно не упрекнуть ее в себялюбии.

– Эмма вовсе не эгоистка. Она просто любит себя, и любит так, как мало кто способен.

В этом Аделина не была уверена. Ей претило все то внимание, которым наслаждалась Эмма. Сама она сейчас была объектом пристального внимания со стороны селян, но долго находиться под подобным надзором была не в состоянии. Что же такого было в Эмме, почему она получала удовольствие, когда все внимание было приковано к ней?

Две туристки все еще стояли на дороге, но доктор Грей, несмотря на свою воспитанность, не желал новых встреч. Он взглянул на особняк, затем на Аделину, впервые заметив темные круги у нее под глазами – следы усталости.

– Зайдем к ним на кухню, выпьете чаю?

– Конечно, идемте, – согласилась Аделина.

Вся округа знала, что семейство Найт всегда славилось своим гостеприимством. Их кухня всегда была открыта для желающих, и даже случайный гость, которому хватало смелости постучаться в дверь, всегда находил приют. Кухня располагалась в задней части дома, и попасть в нее можно было через открытый дворик, с четырех сторон окруженный увитой плющом стеной из красного кирпича с геральдическими витражами. Там можно было отдохнуть, сидя за чашкой чая со сладкой, еще пышущей жаром духовки булочкой, и наслаждаться покоем, который источала церковь.

Жозефина, согбенная, страдавшая артритом повараха, служила семейству с незапамятных времен. Гостям она была рада всегда и, встретив Аделину и доктора Грея, повела их за собой, едва они переступили порог. Немного времени спустя они расположились на скамье во внутреннем дворике, пытаясь удержать на коленях тарелки с горячими булочками, так как их руки были заняты чашками чая с молоком.

– Так какие же секреты открыла вам «Эмма» на этот раз? – любопытно спросила Аделина, желавшая хоть в чем-то быть на шаг впереди доктора.

– Несколько слов из монолога мистера Найтли о благочинности Эммы. Помните сцену из «Гордости и предубеждения», в которой Дарси восхищенно слушает, как Элизабет играет на фортепиано, в то время как та насмехается над его скованностью в общении с малознакомыми

людьми и советует ему больше практиковаться, а заодно добавляет, что ей самой стоило бы больше времени проводить за фортепиано, чтобы лучше играть?

– Конечно, помню! – Аделине очень понравился этот эпизод. – Как галантен его ответ – ведь он за ней ухаживает, хоть она об этом и не догадывается, как, впрочем, и он сам, – что она «распоряжается своим свободным временем с умом, так как те, кому выпадает честь слушать ее игру, не замечают ее недостатков». Когда я была моложе, то много думала о его словах – имел ли он в виду то, что она играет недостаточно хорошо, так как мало упражняется? И как расценивать эти «недостатки» – как некое неизвестное в уравнении? Однако я наконец догадалась, что он имел в виду разумность того, что она не играет на фортепиано слишком часто, так как любой, услышавший ее, будет только рад этому, а значит, она грамотно распоряжается своим временем. Как непросто понять то, что на самом деле хотел сказать Дарси!

– Теперь я знаю, что «Гордость и предубеждение» – ваша любимая книга, – снисходительно улыбнулся Грей, – но вернемся к нашей «Эмме». Вчера вечером я читал сцену, где мистер Найтли говорит об Эмме совсем не так, как Дарси об Элизабет – он считает, что та никогда не раскроет свой потенциал, так как бездумно тратит свое время. И упоминает составленный ею список книг, рекомендованных к прочтению, помните?

– Конечно, и ни одну из них она так и не прочла до конца! Способность сосредоточиться у нее как у восьмилетнего мальчугана – уж я-то знаю, я ведь вела у них уроки. Постоянно отвлекаются. Вот почему я не согласилась с вами насчет Эммы – она все время стремится развлечь себя, а не расти над собой.

– И все же в последнем она преуспевает. Ведь в начале повествования ей всего двадцать один год, – возразил доктор Грей.

– Не такой уж нежный возраст. Я лишь немного старше, но пережила куда больше.

– Да, Аделина, вы правы, – задумчиво согласился он.

Повисло томительное молчание, и ей пришлось его подзадорить:

– Так в чем же заключался секрет, о котором вы говорили?

– Ах, да. Мистер Найтли в своем монологе упоминает список книг Эммы, и как бы в довесок отмечает, что ему доводилось держать в руках его копию. И тут меня осенило. Ведь это происходит задолго до того, как самый внимательный читатель догадается, что Найтли влюблен в Эмму. Быть может, Остен считала, что ее читатели намного менее умны, превосходя даже мои опасения – а раньше я никогда не обращал на это внимания.

– Уверена, так и было! – Аделина смеялась, радуясь тому, что можно отвлечься на разговоры о несуществующих людях с вполне реальными недостатками. – Я сама не придавала этой строчке значения. Бог мой, да ведь... это же как с Гарриет и ее коллекцией «сокровищ» от мистера Элтона – пластырь, что он ей дал, украденный ею огрызок карандаша, все то, что в конце концов сгорает в огне! Мистер Найтли вел себя точно так же, как Гарриет, подсознательно придавая значение столь обыденным для остальных вещам, – но Джейн Остен приложила столько усилий, чтобы поставить Найтли над всеми остальными героями, принизив Гарриет – во всяком случае, в том, что касается умственных способностей.

Доктор поставил чашку на опустевшую тарелку.

– Вот видите? Я даже до этого не додумался. Каково это – наделять мистера Найтли общими чертами с Гарриет!

– Верно говорят – все влюбленные глупы.

– Моей Дженни бы это понравилось.

– А моему Сэмюэлю не хватило бы терпения, – грустно улыбнулась Аделина. – Он никогда не любил читать, в отличие от меня, и манера письма Джейн Остен его не трогала. Ему нравились простые характеры и сюжеты, прямые, как рельсы. Вам повезло, что ваша жена разделяла ваши увлечения.

– У нас с ней было много общего.

- С Сэмюэлем у нас было общее детство. Судьба не многое нам дала.
- В том, чтобы взрослеть с кем-то рядом, определено что-то есть.
- Забавно, но именно из-за этого постоянно ссорятся Найтли и Эмма.

Сидя вдвоем на скамье и делясь откровениями, доктор Грей и Аделина чувствовали, что книги странным образом связывают их.

Солдатам, возвращавшимся с полей Первой мировой с искаленной психикой, помогали романы Остен; Киплинг, пытаясь справиться с потерей сына, каждый вечер в кругу семьи читал ее вслух; даже Уинстону Черчиллю ее книги позволяли отвлечься от тягот Второй мировой войны. Аделина и доктор Грей тоже любили ее и часами могли беседовать о героях ее романов, и тоже находили утешение на страницах ее книг.

Перечитывать их означало получать удовольствие, глубоко в душе сознавая, что, несмотря на необъяснимое волнение, охватывавшее их при мысли о том, обретут ли герои любовь и счастье, все закончится хорошо. Так они каждый раз были на шаг впереди персонажей, но Остен все равно каждый раз опережала их, при каждом новом прочтении.

Сама Остен героически продолжала работать, несмотря на болезнь, отчаяние и близившуюся безвременную кончину. Если у нее хватало сил бороться, то и они могли отдать ей дань уважения и сберечь ее наследие.

Глава 5

Чотон, Хэмпшир.

В это же время

Франсес Найт смотрела, как они сидят на скамье во дворике внизу и пьют чай на свежем августовском воздухе. В галерее, на втором этаже, у нее было креслице у елизаветинских окон, где каждая панель была украшена гербом наследующих поместье и датами их жизни. Чаще всего она любила смотреть в это окно в годы своей юности, и теперь, когда покидать дом ей было все труднее, вновь сидела возле него.

Аделину Гровер она часто видела в церкви, а однажды имела дружескую беседу с ее матерью, Беатрис Льюис. Доктор Грей же был всегда на виду у всей общины – он десятки раз помогал новорожденным появиться на свет и намного чаще провожал усопших в загробную жизнь, в придачу занимаясь многочисленными травмами и болезнями. В последние месяцы он навещал ее больного отца, но в этот день его визит был незапланированным.

Ей хотелось узнать, о чем они говорят, и, повернув свинцовую ручку, она открыла окно и прислушалась.

Она ожидала услышать иное.

– Я нашел еще кое-что, в сцене, где мистер Вудхаус сомневается, стоит ли оставлять мистера Найтли и Эмму и совершить запланированный променад в одиночестве, и оба немедленно начинают уговаривать его поскорее уйти. Вот, сейчас покажу...

Франсес видела, как доктор Грей вытащил маленькую книжицу из внутреннего кармана пиджака, на что Аделина ответила коротким смешком.

– Носите «Эмму» у самого сердца, доктор Грей?

Он улыбнулся, листая страницы, пока не нашел то, что искал:

«Явился мистер Найтли и немного посидел с Эммой и мистером Вудхаусом, пока тот, заранее решивший прогуляться, не собрался исполнить намеренное, чем вызвал горячее одобрение со стороны гостя и дочери, несмотря на собственную воспитанность и принесенные им мистеру Найтли извинения».

Аделина наморщила носик.

– Мне кажется, вы чересчур пристально вчитываетесь.

– Да нет, наверное, хотя... может быть. Этой сценке отводится несколько строк, мистер Вудхаус колеблется, а мистер Найтли не уступает, и так комически обнажается суть их неподатливой натуры – один суетится, хлопочет о своей репутации, второй же, прямолинейный, резкий – о своей. Если же задуматься, то это *максимум* того, что в данный момент Остен позволяет себе сказать о потаенном взаимном влечении Эммы и Найтли, слишком поглощенных прошлым и создавшимся положением. Благодаря этому мы ошибочно полагаем, что неприязнь Найтли к Фрэнку Черчиллю вызвана тем, что тот, будучи старше Эммы, проявляет к ней излишнее внимание – отца она водит вокруг пальца, а значит, кто-то из персонажей *должен* вести себя именно так, и виной тому никак не чувство ревности, одолевающее Найтли.

– Найтли тоже ни о чем не догадывается, неужели ни один мужчина не понимает, что влюблен? Почему у нее столько героев, неспособных к самоанализу? Неужели в этом вся суть человеческой глупости и судьбы – поступать неосознанно, не сознавая сути наших поступков, не понимая, почему мы любим кого-то? Не потому ли подобные романы ничем не кончаются, а если наоборот, то лишь благодаря слепому везению? – спросила Аделина.

– Мне кажется, что персонаж, обладающий четкой мотивацией и способный к саморефлексии, менее привлекателен для читателей. Взять хотя бы Фанни Прайс.

Аделина знала, что доктор Грей терпеть ее не может.

– Полагаю, на уровне подсознания читателю претит подобная чистота помыслов и намерений, – продолжал он. – Напрашивается вызов: «Давай же, нужно все испортить, поступай как все. Влюбись в Генри Кроуфорда». Мы любим Джейн Остен за то, что ее герои, несмотря на всю свою блистательность, не лучше и не хуже, чем мы сами. Они абсолютно, совершенно человечны. Отрадно знать, что она сумела разгадать всю нашу суть.

Франсес медленно закрыла окно, устроилась поуютнее в своем убежище и закрыла глаза. Как давно она ни с кем не говорила о чем-то важном! Чем реже она покидала свой дом, тем меньше друзей приходило к ней в гости. Ей было ясно почему – в дружбе не должно было быть никакой логики.

В доме жили лишь она, ее больной отец, занимавший комнату на втором этаже, Жозефина и две молодые служанки – Шарлотта Дьюар и Эви Стоун, в чьи обязанности входила стирка и уборка. Днем появлялись конюх Том, присматривавший еще и за садом с ее любимыми розами, яблонями и тыквами, и Адам Бервик – вечно грустный, молчаливый, работавший на ее полях.

Теперь, когда ее отец был смертельно болен, она оставалась единственной из рода Найт. Случилось то, чему так усердно противились ее предки, усыновив Эдварда Найта, и случилось именно с ней. Мысль о том, что она так и не вышла замуж, не родила ребенка, причиняла ей невыносимые страдания. Все ее наследие теперь тяжким грузом легло на ее плечи, и она оплакивала не только эти старые елизаветинские стены, но и оборвавшуюся благодаря ее ошибке нить наследия великой писательницы – ошибки, от которой ее бы мог предостеречь кто-то из хороших друзей.

Она казнила себя и за то, что не умела дружить. Когда-то, будучи одной из самых заметных фигур местной общины, она охотно отводила свое поместье под осенние и весенние празднества, а зимой устраивала катания на санях с холма. Она всегда готова была помочь чужому горю и посочувствовать ему. Ей придавало сил то, как люди делились с ней своими переживаниями, и она всегда думала о том, как можно им помочь. Сейчас же она ненавидела себя за то, что не могла понять причины собственного бессилия. Если бы только она могла найти от него какое-нибудь средство!

Жалеть себя она не желала, зная, что многие семьи в округе страдали гораздо больше, чем она. Семья Бервиков лишилась отца, а вслед за тем и двух сыновей, погибших в одном сражении. Несчастен был и доктор Грей, чья жена не могла иметь детей и так глупо погибла, а люди каждый день делились с ним своим горем, и он относился к ним с участием и заботой, как и всегда. Она не могла представить себя на его месте.

И если жизнь казалась ей чередой потерь, то ей было что терять: фамильное наследие и все привилегии, дарованные богатством. Пусть в этом была не только ее вина, но теперь она осталась одна, и ей не с кем было разделить тяжесть этой ноши.

Капли дождя забарабанили по ставням, и она позвонила в колокольчик, лежавший на красном бархате сиденья. Через несколько минут на лестнице, что вела в галерею второго этажа, появилась Жозефина.

– Спасибо, Жозефина. Ты знаешь, как я не люблю пользоваться этим колокольчиком.

– Знаю, мэм, – кивнула повариха. – Уж вы-то всегда на кухню ходили с охотой.

– Поверенный уже явился к отцу?

– Да, мэм, ровно полчаса назад. Мистер Форрестер все делает вовремя.

– Наверное, они решают вопрос с именем, раз его визит так затянулся.

Франсес вновь выглянула в окно, увидев, что доктор Грей пытается укрыть Аделину от дождя своим пиджаком.

– Жозефина, Том и Адам уже должны были закончить все дела в конюшне – сегодня овца должна была принести ягнят. Попроси Тома отвезти Аделину домой на автомобиле, иначе она совсем промокнет.

Жозефина спустилась обратно по дубовой лестнице, неся Аделине зонт и неожиданное предложение мисс Найт.

Выслушав Жозефину, Аделина и доктор Грей переглянулись, и он поднялся со скамьи, и она вслед за ним, прикрываясь от дождя пиджаком и придерживая его правой рукой.левой же она потянула доктора за рукав рубашки, и этот жест так взволновал его, что он замер, снова взглянув на нее.

– Я в порядке, дождь – это ерунда. Но мне бы хотелось взглянуть на новорожденных ягнят. Заодно и дождь переждем.

Доктор Грей, чуть помедлив, поблагодарил Жозефину:

– Пожалуйста, передайте мисс Найт, что мы благодарим ее за заботу, но поступим так, как предложила леди Гровер.

Аделина стояла рядом с доктором, все еще укрываясь его пиджаком, и Жозефина протянула ей зонтик, бормоча: «Один пиджак погоды не сделает». Она поблагодарила ее и вернула ему пиджак, провожаемая пристальным взглядом старухи.

– Что это с ней? – спросила Аделина, ведомая доктором к старинной конюшне по дорожке, мощенной красным кирпичом. – Мы ее чем-то обидели?

– Полагаю, Жозефина Бэрроу не из тех, кого легко оскорбить.

– Наверное, виной тому все эти хлопоты в огромном пустом доме, где живут лишь она, ее немолодая хозяйка и этот черствый, вредный старик. Помню, в детстве мисс Найт приводила меня в трепет, но я ее не боялась. Просто тогда она казалась мне такой спокойной, хладнокровной и полной достоинства! А сейчас она вообще ни с кем не видится.

– Франсес всегда мне нравилась. Не думал, что она останется совсем одна. Ей, должно быть, очень тяжело.

– Как вы думаете, почему она так и не вышла замуж?

– Ее родители были чересчур разборчивы, и выбора у нее почти не было. Какая ирония: ее предки были из йоменов, даже не джентри-фермерами! И видит бог, трудно найти подходящего жениха, будучи скованной всевозможными ограничениями и рамками.

– А она пыталась? Вот вы, например, вы же росли с ней вместе?

– Да, я ее ровесник, мы оба родились на закате века, в 1898-м. В школе учились тоже вместе.

– Достаточно долго для того, чтобы завязался роман, – предположила Аделина.

– Но недостаточно для семьи Найт, – весело ответил он. – Я же всего лишь сельский врач.

– Чушь, – фыркнула Аделина, задорно улыбаясь. – Думаю, до женитьбы вы пользовались успехом у женщин.

Доктору не нравилось, когда его расспрашивали о личной жизни до брака, и он поспешно переменял тему.

– Как бы то ни было, Франсес всегда держалась особняком. Некоторые из наших одноклассников пытались ухаживать за ней, но из этого ничего не вышло. Наверное, она просто оставила все попытки полюбить кого-то в нашей деревеньке.

– Странно, а мне посчастливилось найти любовь здесь, где я родилась и выросла. Готова поспорить, такое случается чаще, чем принято думать.

Доктор Грей, стряхивая воду с зонта, рассеянно кивнул.

Они стояли перед открытой дверью конюшни и заглянули внутрь. В деннике посередине, при неровном свете единственного фонаря, Том Эджуэйт и Адам Бервик хлопотали над оягнувшейся маткой. Оба резко вскочили, не ожидая увидеть внезапно вошедших доктора и Аделину.

Адам стянул кепи, несмотря на то что был всего двумя годами моложе доктора, и мельком взглянул на Аделину, лишь чтобы поздороваться. Он всю жизнь был знаком с семьей Льюисов, но никогда не общался с их младшей дочерью. Адам знал, что она умна, энергична и обходи-

тельна со всеми, но подобная открытость противоречила его скромности. Даже здесь, в тихой конюшне, он всего лишь приветствовал ее кивком.

Том же, напротив, был куда общительней и нахальнее и заметил, что, даже будучи в положении, миссис Гровер куда как хороша.

Доктор холодно посмотрел на него:

– Том, заключения о чьем-либо состоянии здесь выношу я.

Аделина уселась на сене рядом с овцой, которую сосал ягненок. Глаза ее вдруг застили слезы. Всего минуту назад они с доктором смеялись под дождем, а здесь появилась новая жизнь, и отца рядом не было, как не было больше и ее мужа, и скоро у нее самой должен был родиться ребенок, и вся гнетущая тяжесть жизни вдруг рухнула на нее, подмяв под себя. Она попыталась погладить ягненка, чтобы отвлечься, но вмешался Адам:

– Простите, мисс, но их еще нельзя трогать, иначе matka их не примет. У них все не как у людей.

Аделина с трудом попыталась подняться.

– Не думаю, что они так уж от нас отличаются, – предположила она, улыбнувшись, когда доктор опередил остальных, помогая ей встать. – Спасибо, что позволили нам взглянуть на них. Мистер Бервик, у вашей мамы все хорошо?

Адам кивнул.

– А как дела у малышки Эви Стоун? Все в порядке?

Он снова кивнул.

– Она была самой способной ученицей, пока ей не пришлось уйти из школы, чтобы работать в поместье. Надеюсь, вы заботитесь о ней.

– Том всегда за ней присматривает, мэм.

Аделина удивленно смотрела на него. Быть может, за робостью этого фермера скрывалось нечто большее.

– Что ж, – она с улыбкой оглядела троих мужчин, – дождь, кажется, стих. Нам пора идти.

Том и Адам смотрели вслед доктору, провожавшему Аделину к дороге через поля.

– А он знает, с какой стороны хлеб маслом мазать, – ухмыльнулся Том.

Адам, наблюдавший, как две фигуры под одним зонтом идут по направлению к городу, поморщился.

– Доктор Грей хороший человек.

– Я ж не говорю, что он плохой, – рассмеялся Том. – Но нам, холостякам, он дает прикурить.

– Хватит тебе, Том Эджуэйт, чушь пороть, – одернул его Адам.

– Да я просто так сказал, – парировал Том, склоняясь над matкой. – Я же знаю, в чем дело, я ведь не слепой.

Адам молча покинул конюшню и отправился домой. Ему пора было ужинать, а после ему хотелось почитать. Вместо того чтобы слушать болтовню и сальные шуточки Тома, он бы с удовольствием взялся за книгу Джейн Остен.

Адам выполнил обещание, данное когда-то юной американке, но Эмма Вудхаус ему не понравилась.

Он полюбил Элизабет Беннет, даже не предполагая, что можно так любить кого-то несуществующего. Ему нравилось, что она свободно выражала свое мнение, ее человеколюбие и чувство юмора. Он хотел стать такой, как она – всегда иметь в запасе острое слово, привлекать людей, научиться отстаивать свое мнение в спорах с матерью. Для него Элизабет была той силой, что удерживала все семейство Беннет от распада благодаря своему уму и своей смелости. Она никогда не кичилась своей ролью невольной спасительницы – ей просто нравилось так поступать.

Адам не знал, как помочь самому себе, не говоря уже о ком-то другом. Когда ему казалось, что одиночество вот-вот поглотит его, на помощь приходила Джейн Остен. Оставалось лишь гадать, что бы сказали деревенские, узнай они об этом. Все же он втайне мечтал встретить кого-то, с кем можно было бы говорить о ее книгах – ведь единственная поклонница ее творчества, которую он знал, жила на другом конце света.

Разумеется, он узнал девушку в синем платье, едва увидев ее на киноэкране. С тех пор он стал верным поклонником Мими Харрисон, ходил на все ее фильмы, а на «Отечество и славу» – целых три раза. Он размышлял о ее голливудской жизни, раз за разом перечитывая книги Остен. Забавно, что у него нашлось что-то общее с кинозвездой. О книгах Остен это говорило куда больше, чем о нем самом, но так он чувствовал себя не столь ущербным и странным.

На пути домой Адам остановился передохнуть у развилки Винчестер-роуд. Поверни он налево, он оказался бы у старого фермерского домика, где родился и где теперь жила зажиточная семья Стоунов. Миновав его и пройдя добрых шестнадцать миль, он бы оказался в Винчестере.

Он никогда не бывал так далеко от дома, но знал, что в последние дни своей жизни Джейн Остен снимала там комнату, в тщетной надежде найти лекарство от загадочной болезни, сгубившей ее, когда ей был всего сорок один год. Месяц спустя Кассандра наблюдала из окна второго этажа, как гроб с телом Джейн везут в знаменитый Винчестерский собор. Слова, которые она написала об этом – «он скрылся из вида, и я потеряла ее навсегда», – всегда трогали его до слез. Его братья лежали в сотнях миль отсюда, на дне Эгейского моря, и не было для них могилы, которую он смог бы навестить.

Безвременные потери в юности не только ранят нас сильнее, но и каждый день напоминают о себе, словно подпитываясь силой воспоминаний о том, кто ушел слишком рано. Послушная этой силе Кассандра провела остаток жизни в Чотоне, оберегая наследие своей сестры, Адам же думал, что подвел своих братьев, не попытавшись добиться чего-то большего. Все же, невзирая на упадок духа, он постоянно был в поисках того, что могло бы придать смысл его жизни, хоть и не знал, с чего начать.

Передохнув, он вновь зашагал по направлению к дому – дождь кончился, и вновь выглянуло солнце. Миновав низкую деревянную калитку у старого домика эконома, он остановился у скамейки в дальнем углу двора. Он часто сидел на ней и отдыхал, готовясь к беспрестанным расспросам собственной матери, преследовавшим его уже с порога. Она пристально следила за состоянием умирающего мистера Найта и тем, как Франсес Найт, одна из смиреннейших душ в целом свете, бывшая столь легкой мишенью для злословия матери, все больше замыкается в себе.

Адам сидел на скамье и не мог представить, что когда-то по этим садам гуляла Джейн Остен, отдыхая там же, где и он, – теперь почти ничего не напоминало о знаменитой писательнице, когда-то жившей в этом домике. Он наблюдал, как во дворике под лучами вечернего солнца дремлют полосатые котята, слышал, как катит свою тележку деревенский старьевщик, видел, как мимо кирпичной стены прошли доктор Грей и Аделина. Должно быть, они пошли домой долгим путем, через поля, и он их обогнал.

Адам встал и побрел к воротам. Слева в ожидании старьевщика покоилась куча мусора, из которой торчали три ножки и квадратное сиденье старинного кресла. Адам, плотник-самоучка, сразу узнал резные колоннообразные ножки и прямые линии сиденья эпохи Регентства. Сердце его забило – быть может, кресло принадлежало семье Остен, а может, и самой Джейн?

Одновременно с ним к мусорной куче подошел старьевщик.

– Как всегда, ищите что-нибудь интересное, а, мистер Бервик?

Адам кивнул и взялся за ножки кресла, но заметил, что большая часть спинки из красного дерева отсутствует. В таком состоянии кресло никуда не годилось, и он сомневался, что стоило нести его домой – чего доброго, о нем бы подумали, что он совсем сошел с ума. Он увидел

еще кое-что – маленькую деревянную игрушку. Когда он не работал в поле и ничего не читал, Адам часто мастерил деревянные погремушки и наборы для игры в серсо. Насколько старой была эта вещь? Может, она была как-то связана с семьей Джейн, а может, и нет – никому в деревне до этого не было дела.

– Забирайте, мне такая мелочь ни к чему.

Адам пробормотал «спасибо», сунув игрушку в карман куртки, и пошел своей дорогой. Он был уверен в том, что остальные жители Чотона воспринимали его как подавленного, сломленного человека, ни на что не годного и не оставившего после себя ничего, достойного упоминания. Но в минуты, подобные этой, он задавался вопросом: быть может, он один замечал, что дни становятся короче и что в мусорной куче у дороги можно отыскать следы позабытого прошлого?

Глава 6

Лос-Анджелес, Калифорния.

Август 1945 года

Сперва увлеченность творчеством Джейн Остен озадачила Джека Леонарда.

Полки на стенах гостиной маленького бунгало Мими Харрисон, стоявшего высоко над каньоном, были полны старых, переплетенных кожей книг («Эмма» была особенно потрепанной), там же гнездились собрания сочинений авторов, о которых он никогда раньше не слышал: Берни, Ричардсона и Коупера, какого-то поэта. Знакомым было лишь имя Вальтера Скотта, но лишь потому, что фильм «Айвенго» недавно принес одной киностудии целую кучу денег.

Общим знаменателем для всех этих авторов была их связь с Остен, о которой он предусмотрительно разузнал побольше после их первой встречи у бассейна, и захватанной копии ее «Нортенгерского аббатства», увиденной в загорелых руках Мими. Впоследствии она рассказывала ему, как в детстве папа читал ей ее книги, о своем путешествии в английский городок, где она «шла по стопам писательницы» (тогда он подумал, что она не только горячая штучка, но и не в ладах с головой), и о том, что мечтает снять фильм по книге «Разум и чувства».

Он слушал ее с несвойственным ему терпением, так как хотел понять, являлась ли Джейн Остен ключом к тому, чтобы затащить Мими Харрисон в постель. После всех ужинов, коктейльных вечеринок и красных ковровых дорожек мигрень мучила его каждый раз, когда он провожал ее до двери. С одной стороны, она уже не была желторотым цыпленком – кассовые сборы ее фильмов были весьма красноречивыми, и все эти игры начинали казаться ему бессмысленными, что еще хуже – не приносили ощутимого результата. С другой стороны, он знал, что тоже небезынтересен ей.

Ему не приходило в голову, что Мими все еще борется с влечением к нему лишь благодаря собственному благоразумию.

В Голливуде он быстро понял, что нет вернее способа переспать с ведущей актрисой, чем дать ей главную роль. Джек не обращал внимания на недавнюю адаптацию «Гордости и предубеждения» с Лоуренсом Оливье и Грир Гарсон, но сейчас, когда она сошла с экранов, он вспомнил о «Разуме и чувствах», мечте Мими. Ему нравился сюжет с тремя сестрами моложе двадцати (мысленно он уже подбирал актрис на их роли), и он одобрял склонность Уиллоуби к соблазнению девиц, рожденных вне брака. Он полагал, что у этой истории есть своя подоплека, на которую можно будет сослаться, чтобы пренебречь Кодексом¹. Чем больше он узнавал об Остен от Мими, тем больше впечатлялся тем, что писала она преимущественно о дурных свойствах характера. Насколько он знал, в ее романах почти не было персонажей без каких-либо пороков. Все они ошибались, влюблялись в подлецов, подвергая сомнению настоящую честность. Ему это определенно нравилось.

Разумеется, ни одной книги он так и не прочитал, но один из его знакомых сценаристов – беспутный писатель, обитавший в семнадцатом бунгало на съемочной площадке, работал над адаптациями. И пока что Джек был ими доволен.

Мими же была от них не в восторге.

– Появление Уиллоуби, узнавшего, что Марианна при смерти, меня никогда не трогало. Во всех ее книгах лишь одна эта сцена казалась мне фальшивой. Уиллоуби ни до кого нет дела, он думает только о себе, и если он и навещает Марианну, то лишь из чувства вины. Но ему оно чуждо. Зачем вообще он едет к ней среди ночи, требуя, чтобы Элинор его выслушала? Откуда эти переживания?

---

¹ Кодекс Хейса – этический кодекс Голливуда по производству фильмов 1930–1967 гг.

Они расположились друг напротив друга в креслах, в просторном офисе Джека, в пятом бунгало на границе территории киностудии. За окном фасада росли огромные кусты розовых гортензий и белый штaketник, за которым была Главная улица, появлявшаяся в каждой серии киномузика «Давай устроим сцену», который сейчас штамповала студия. Мими продолжала свои пространные рассуждения об Уиллоуби, и Джеку начинало казаться, что она отождествляет его с ним, и его задевало то, насколько она его недооценивала. Да, пусть он и невежа, зато он сам себе хозяин, и в конце концов она все равно достанется ему.

Сцена, описанная ею, ему тоже не нравилась, но по другим причинам. Следуя тому, что сказала Мими, и написанному в сценарии, Уиллоуби вел себя как неудачник, но, несмотря на это, получил все, чего хотел. От него забеременела несовершеннолетняя, заманил другую девушку для встречи в пустом доме наедине... женился на наследнице состояния.

Если бы Джек Леонард сумел добиться от Мими хотя бы половины того, на что рассчитывал, он стал бы счастливым.

– А не в том ли суть сцены, чтобы показать, что Марианна ошибалась не в том, что Уиллоуби любит ее, а в том, что ради любви он способен на все? Что, если на самом деле речь *о ней*?

Джек повторял заученные слова сценариста, услышанные на одной из недавних встреч с сопродюсерами – один из них упоминал о том же, что и Мими.

Но Мими упорствовала.

– Читатель и так об этом знает. Думаю, это оплошность Остен, и на самом деле ее заботила судьба Уиллоуби. Да и Генри Кроуфорд ей тоже нравился.

Джек непонимающе уставился на нее.

– Генри Кроуфорд из «Мэнсфилд-парк», помнишь? Мне кажется, отчасти она желала, чтобы мы могли их простить или хотя бы пожалели. Должно быть, виной тому ее религиозность и чистосердечие – господи, да та же Фанни Прайс просто эталон. Но если Уиллоуби на самом деле ищет искупления...

– Чего ищет?

Она не верила своим ушам. Джек заявлял, что закончил один из университетов Лиги Плюща, но уже не в первый раз она в этом сомневалась.

– Искупления. Отпущения грехов, прощения.

Джек опустошил бокал виски, который баюкал в руках.

– Ну да, ну да. Точно. Так вот, – беззаботно продолжал он, – я тут подумал взять Анжелу Каммингс на роль Марианны. Монти мне говорил, что в паре вы отлично работаете.

Мими не удивилась, услышав имя восходящей голливудской звезды, штурмовавшей киноэкраны после недолгой карьеры модели на Восточном побережье. Но причин для зависти у нее не было – она всегда готова была поддержать партнера на площадке, не раз вступалась за Мими перед режиссером Терри Тремонтон на съемках вестерна под палящим солнцем невадской пустыни. Втайне Мими восхищалась ее целеустремленностью – та всегда добивалась цели, какой бы недостижимой та ни казалась. Кроме того, только Мими знала об интрижке, которую та крутила с Тремонтон, одновременно встречаясь с женатым актером второго плана из ее нового фильма. В сравнении с этой двадцатилетней ветреницей со всеми ее любовниками отношения со скандально известным Джеком казались вполне целомудренными.

– Анжела достаточно молода, – наконец ответила Мими. – И мне она нравится, с ней легко работать. Она не относится ко всему этому слишком серьезно.

Джек смотрел на нее с чувством внезапного облегчения.

– Слушай, у меня в пять встреча в «Бeverли-Хиллз» с Гарольдом, надо поговорить об Элеанор и ее «жидкой диете». Может, продолжим разговор после, за ужином?

– Опять эти встречи в отелях. Со мной хотел увидаться Монти в «Шато Мармонт», обсудить промо-тур к «Я больше никогда не буду петь».

– Ты с ним поосторожнее. Свой хер в штанах не держит, машет им везде как флагом.

– Джек, опять эти словечки.

– Эти словечки – наименьшая из твоих возможных проблем.

– Я справлюсь.

– Знаю, что справишься, – согласился Джек, хотя хотел бы, чтобы это было не так. Чтобы в ее непробиваемой броне нашлась хоть одна брешь, через которую он мог бы пробиться. С этими дипломированными благовоспитанными девицами было непросто – сопротивлялись, устраивали проверки, рассчитывая на выгоду для себя, а без нее не уступали ни дюйма.

Пусть Джек и не был начитан, но ему хватало смекалки, чтобы понять, что все, что он мог дать Мими – деньги и власть, в особенности деньги, – она могла получить и сама. Он не привык к чувству собственной ненужности, а потому так рьяно ухватился за идею снять фильм по роману Джейн Остен. Он ощущал себя шахматистом, который не просто проигрывал партию – его фигуры единым махом смели с доски. Мими даже не позволяла просто целовать себя, не говоря уже о поцелуях взапас. Да, держалась она с поразительным упорством.

– Мими, давай займемся этим фильмом. Вместе – ты и я. Команда выйдет первый сорт. Ты же терпеть не можешь, когда я творю какую-нибудь херню, а с тобой я честен. И потом, здесь же замешана твоя любимая Джейн Остен.

Он сел на подлокотник ее кресла, все еще держа бокал скотча, и слышно было, как она еле слышно вздохнула. Он повел ушами – это походило на жест покорности.

Да, Мими покорялась, но не ему, а самой себе. Красивые мужчины – фермеры, актеры, университетские профессора – были ее слабостью, а Джек Леонард был настоящим красавчиком, даже по голливудским меркам. Каждый раз, когда их взгляды встречались, она приходила в трепет. Это было ново для нее, даже здесь, в Голливуде. Он был экстравагантным, да, и все, чего он касался, начинало жить своей жизнью. Она впервые отождествила себя с Мэри Кроуфорд из «Менсфилд-парка» в ее томлениях по столь неподходящему ей Эдмунду Бертраму, «частые мысли о котором не могли принести пользы».

Также Мими понемногу уступала собственному влечению к Джеку – она хотела его, жаждала его поцелуев и желала слышать те слова, что говорят женщинам лишь в постели. Да, он был подвластен ей, но не это придавало ей храбрости. В нем было что-то неуловимо мальчишеское. Тайна, из-за которой одного ее взгляда порой хватало, чтобы уязвить его, тайна, за которой лежал ключ к его сердцу, лежала за дававшей трещины стеной ее хладнокровия. Быть может, таким он был со всеми женщинами, но даже если так – он был лучшим актером из всех, что ей встречались.

– Джек, правда, не стоит пытаться купить меня этим фильмом.

Он лукаво улыбнулся во весь рот.

– О нет, Мими, покупать тебя я не собираюсь. Я хочу, чтобы ты досталась мне бесплатно. Чтобы ты отдалась мне полностью, вся целиком, ведь ты и сама этого хочешь.

Обмакнув палец в виски, он провел его кончиком по ключице Мими, спустился ниже, туда, где кончалась шея, затем еще ниже. Он склонился над ней, его рукав коснулся ее груди (она заметила, что Джек никогда не носил рубашек с коротким рукавом, даже в жару, надевая их исключительно на теннисном корте), и она вся вспыхнула, зардевшись. Он взял ее за подбородок, нашел ее губы – и все, что было меж ними до этого, внезапно обрело смысл. Ее влечение к нему было столь сильным, что помраченный разум только сейчас начинал понимать, что тело его опередило.

Мими больше не могла осуждать Марианну за то, что та предпочла Уиллоуби полковнику Брэндону, который был старше и сдержаннее, и оказалась на пороге смерти; теперь она надеялась лишь на то, что когда всему настанет конец, ей не придется жить затворницей, захлебываясь слезами.

– Отлично выглядишь, Мими. Я налью тебе шампанского.

Дородный Монти Картрайт, которому было далеко за пятьдесят, возглавлял студию, сделавшую Мими звездой, и обладал невероятным даром – с первой пробы мог оценить потенциал любого из начинающих актеров. Он предлагал им долгосрочный контракт, но связывал такими условиями, что следующие десять лет те постоянно проклинали тот день, когда впервые его увидели.

Контракт Мими истекал через три года. Каждый раз после встречи с Монти она мысленно ставила очередной крестик в календаре собственной каторги. Участие в проектах на стороне, таких, как многообещающая адаптация «Разума и чувств», давалось ей с трудом, благодаря помощи брата, юриста в ее родной Филадельфии, помогавшего ей согласовывать условия контракта. В свои тридцать пять Мими отлично понимала, что в студии ее держат, лишь пока она приносит прибыль, и она бралась за все перспективные проекты, пока могла. Некоторые актрисы ее возраста уже растили детей, иные же уходили в «отпуск», из которого уже не возвращались – в индустрии оставались лишь те, кто мог постоянно быть начеку. Мими продолжала строить карьеру – ей нужно было успеть до того, как первые морщинки вокруг глаз станут заметными, до первой седины.

Они сидели в номере Монти, и он развалился на диване напротив, уставясь на ее знаменитую волну иссиня-черных волос, гадая, какой из них поседет первым. Да, Мими уже была не та, что раньше, – все знаки были налицо, он слишком хорошо знал их, как хищник, выжидающий, когда у раненой жертвы иссякнут все силы.

– Выглядишь усталой, Мими, а впрочем, ты прекрасна, как всегда. Терри совсем тебя загонял на съемках того вестерна? Это все его чертовы рассветы, вставать надо ни свет ни заря, часа за два, чтобы успели загримировать, – так ведь?

Мими поерзала в кресле – она уже потеряла счет его намекам на то, что годы берут свое.

– Ничего, скоро все это закончится. В этом фильме Анжела полностью раскроется.

Он все еще не понял, что за игру она вела, привлекая его внимание к этой молоденькой актрисе второго плана.

– Да, эта девочка – просто находка. Сколько ей, двадцать? Двадцать один, не больше. Не угадаешь – дымит, как паровоз, и матерится, как какой-нибудь шофер. А порой и разговаривает так же – голос хриплый, даже страшно становится.

В некотором роде Мими даже получала удовольствие от этих редких встречи с Монти, так как он был столь поглощен собственными разглагольствованиями, упиваясь чувством собственного превосходства, что она могла спокойно подумать о чем-то отвлеченном. В последнее время, к ее ужасу, этим чем-то был Джек Леонард. Она и впрямь не могла отвлечься от мыслей о нем и, что еще хуже, подозревала, что он об этом знает. Даже если до их поцелуя он пребывал в неведении, то теперь это вряд ли можно было скрыть.

А Монти тем временем вещал о какой-то бедной дурочке-актриске, ее браке по принуждению и проблемах с законами Доминиканской Республики из-за недавнего развода (в законах Монти разбирался, так как регулярно их обходил). Она слушала вполуха, потягивая «Пайпер-Хайдсик» – он уже дважды наполнил ее бокал, как вдруг Монти допил скотч, поднялся, бесцеремонно уселся с ней рядом, похлопав ее по колену, и обеспокоенно спросил:

– Он тебе уже все рассказал?

– Кто и о чем, Монти?

– Терри. Он уже рассказал тебе об Анжеле?

– Что он должен был мне рассказать, Монти?

Монти ухмылялся.

– В эти игры можно хоть целый день играть. На афишах биллинг Анжелы будет рядом с твоим.

У Мими перехватило дыхание.

– Абсурд какой-то. Это ее вторая большая роль.

– Ну да, но ведь вы тягаетесь с Купером, а он в главной роли, и смысл в этом есть, хотя бы визуально – по меньшей мере, таково мнение Терри. Мими, я, конечно, замолвлю за тебя словечко, но мне надо знать, насколько это важно для тебя.

– А ты как думаешь, Монти? Мы оба знаем, что я уже несколько лет как приношу вам кучу денег, и с какой стати новичку получать такой же биллинг? Для меня это вопрос справедливости – уверена, Анжела в свое время всего добьется, она талантлива, но зачем для этого подставлять меня? Это же просто смешно!

Монти вздохнул.

– Знаю, тебе нелегко. Но у меня связаны руки. У Терри в контракте прописаны права на это, он учел свой недавний провал с Кроуфорд, Гейблом и Дэвис.

Он подвинулся ближе.

– Слушай, Мими, мы же знаем, что рано или поздно это случилось бы. Я за тебя вступлюсь, но я же не дурак и хочу что-нибудь взамен.

Он положил руку на ее бедро и был так близко, что она чувствовала, как от него пахнет – табаком и скотчем.

– Монти, – холодно предупредила она, убирая его руку.

– Мими, еще целых два года у тебя не будет конкуренток. Бетти Уинтерс надо подтянуть вокал, а Дженис Старлинг – актерское мастерство. Ты все еще на самом пике, ты же знаешь. Я могу помочь тебе не сорваться. Ты же знаешь, как я в тебя верю. Ты – лицо всей нашей студии.

– Если это действительно так, у меня должен быть приоритет.

– Мими, послушай, в том, что касается твоей внешности, я ничего не решаю. Мы получили отзывы на пробные съемки в Неваде, и все без ума от Анжелы.

– И что?

Он снова тяжело вздохнул.

– И то, что тебя назвали старухой. Да, конечно, место для съемок там просто ужасное, и в студии все будет совсем иначе. Следующей будет роль в «Шахерезаде», верно?

Мими поставила бокал на маленький столик у кресла.

– Монти, мой биллинг останется таким, каким был всегда, это не обсуждается. Я слишком много работала ради этого. Мне вообще не хочется думать ни о каком биллинге, но это слишком важно, и я не настолько глупа, чтобы вот так просто взять и все отдать.

– Но тебе придется это сделать, – он снова положил руку на ее бедро, – хотя ты и не обязана. Ты же знаешь, я всегда на твоей стороне.

– Монти...

– Мими, я всего лишь хочу помочь, как всегда.

Она поднялась, и он вслед за ней – облапив ее, прижал к дивану.

– Монти Картрайт, немедленно убери свои чертовы руки.

Он весил на добрую сотню фунтов больше и был на целый фут выше, несмотря на ее каблук.

– Ну же, Мими, перестань.

Он принялся целовать ее, оцепеневшую от близости нависшей над ней туши. Его запах – виски, сигары, слишком много пряного одеколона с ароматом пачули, пот – его она запомнила навсегда. Собравшись с силами, она попыталась оттолкнуть его, но в возбуждении он прижался к ней еще сильнее и начал тереться о ее тело. При мысли о том, что он вот-вот кончит, у нее прорезался голос:

– Монти, а ну отвали на хер! Монти! Монти, я сейчас закричу!

Он уже тяжело дышал, и она наконец смогла вывернуться. Он повалился на диван, кончая, а она смотрела на это, дрожа от ужаса и отвращения.

– Я с тебя последние штаны спущу, скотина.

– Вот еще, – невозмутимо выговорил он, достав из нагрудного кармана хрустящий белый платок, чтобы вытереться. – Теперь тебе одна дорога – вниз, Мими, и ты это знаешь. Одно лишь слово – и твое имя будет стоять *после* Анжелы. Одно лишь слово, и ты увидишь, что всем на тебя насрать.

Она вышла из комнаты, а он все лежал на диване, вылизываясь, как грязное животное, ничуть не стыдясь своего скотства и наслаждаясь тем, как унизил ее.

Через несколько часов Джек вернулся в бунгало, чтобы отвезти Мими поужинать, и увидел, что та свернулась калачиком в кресле, закутавшись в халат, а ее мокрые длинные черные волосы беспорядочно разметались по плечам.

Она рассказала Джеку о том, что случилось в отеле.

– Я пыталась отмыться, пока не стерла себе всю кожу. Хотела избавиться от его запаха.

Джек ничего не ответил, охваченный сонмом противоречивых мыслей и чувств, над которыми возобладала ярость. Он выбежал из бунгало и вернулся через час, с рассеченной бровью и опухшей правой кистью.

Мими обработала рассечение антисептиком, положила пакет со льдом на его руку и опустилась на колени у его ног. Джек сидел в кресле, его самолюбие не пострадало, но сердце терзалось, и ужасно болела голова.

– Не стоило этого делать, – проговорила Мими после нескольких секунд молчания. – Я бы сама справилась. Ему это с рук не сойдет.

– Для него этого слишком мало, – почти что прорычал Джек.

– Пусть даже ты его избил – ну и что дальше? Теперь у меня еще больше проблем. А тебя он обвинит в нанесении телесных повреждений. Я останусь без работы, вот увидишь, а тебя посадят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.